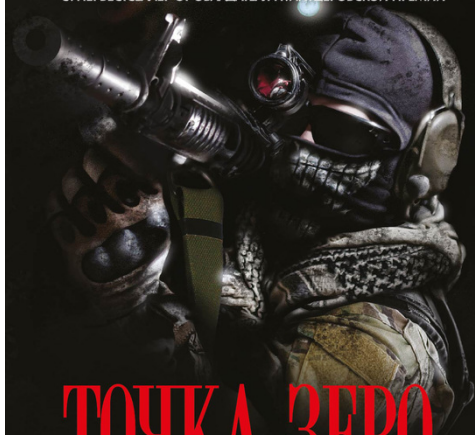

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЕРИИ РОМАНОВ О БОБЕ ЛИ СВЭТТЕРЕ
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

СТИВЕН ХАНТЕР

СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕР ОТ ОБЛАДАТЕЛЯ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

ТОЧКА ЗЕРО

Стивен Хантер
Точка зеро
Серия «Боб Свэггер», книга 7
Серия «Рей Крус», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6446402
Стивен Хантер. Точка зеро: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68412-0

Аннотация

В суровых афганских горах американские войска ведут охоту на полевого командира Ибрагима Зарси по кличке Палач – бесстрашного, беспощадного и неуловимого. Приказ «найти и уничтожить» получает снайпер Рей Крус – лучший из лучших стрелков в рядах морской пехоты США. Еще не было случая, чтобы он не выполнил задания. Однако во время подхода к объекту Крус и его наводчик попадают в заранее спланированную засаду. Под шквальным огнем напарник Рея погибает, а сам снайпер спасается лишь чудом. В последний момент он замечает: нападавшие – не афганцы, а американцы. А ведь об этой секретной операции знали единицы. Значит, его подставили... Но кому потребовалось спасти жизнь Палача? И Крус начинает собственное расследование. Так судьба сводит его с легендой морской пехоты – снайпером Бобом Ли Свэггером...

Содержание

Часть первая	4
Часть вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Стивен Хантер

Точка zero

*Посвящается Нику Зиолковски, снайперу, погибшему в Ираке.
Если в войне есть хоть какая-нибудь слава, пусть она
достанется такому молодому парню.*

*А кто не повинуется Аллаху и Его посланникам, для того огонь
геенны, в котором они будут вечно пребывать*
Коран, 72:23

1. Выдернуть предохранительное кольцо. Развернуть
устройство вертикально.
2. Направить на источник огня. Отступить назад.
3. Нажать на спуск. Водить из стороны в сторону.
Инструкция по пользованию стандартным огнетушителем

Часть первая

Виски-2-2

*Виски-2-2,
провинция Забуль,
юго-восток Афганистана,
09.34*

Сознание приходило и уходило; боль оставалась. Шел следующий день после засады. Рана на правом бедре Круса еще кровоточила. Вся правая половина тела покрыта одним сплошным желто-багровым синяком. Боль была такой сильной, что он с трудом различал детали пустынного ландшафта, пульсирующего в резких лучах солнца. Но Рей Крус, комендор-сержант морской пехоты Соединенных Штатов, принадлежал к редкой породе людей, выкованных из особо прочного металла, – их нельзя расплавить, согнуть или остановить.

В батальоне его прозвали Крылатой Ракетой. Выпущенный в цель, Рей не останавливался до тех пор, пока не поражал ее. Поскольку 2-й разведывательный батальон считался подразделением специального назначения, ему доставалась самая сложная работенка, и без Круса не обходилось ни одно дело: разведывательные дозоры, поимка главарей бандформирований по заказу ЦРУ, всевозможные проблемы со снайперами и самодельными взрывными устройствами.

Крус возглавлял взвод снайперов. Он всегда находился там, в тени гребня горы или на крыше деревенского дома, с неразлучной «СР-25», полуавтоматической винтовкой калибра.308, настоящим зверем с целым ядром первоклассной оптики над стволом. Иногда его видели, чаще – нет, а он платил за жизнь своих людей на дальней дистанции монетами весом сто семьдесят пять гран¹ каждая. Крус никогда не промахивался и никогда не считал убитых врагов – ему до этого нет никакого дела.

Однако сейчас никто не смог бы его узнать. Одетый в свободный халат пуштуна из горного племени, внешне он напоминал Лоуренса Афганского². Смуглое от загара лицо покрыто

¹ 175 гран = 11, 339 грамма.

² Аллюзия на Томаса Эдвардса Лоуренса, прозванного Аравийским (1888–1935), британского разведчика и писателя, во время Первой мировой войны сыгравшего важную роль в освобождении Ближнего Востока от турецкого гнета. В 1962

щетиной и слоем грязи, губы потрескались. На ногах сандалии, голову венчал тюрбан, скрывающий лицо. Он не имел ничего из того, чем государство снабжает тех, кто находится на военной службе. И еще его окружали козы.

Всего их осталось четырнадцать. Любить животных – это просто прекрасно, до тех пор, пока не приходится пасти коз. У этих животных начисто отсутствует командный дух. Они бродят, куда хотят, повинувшись прихоти, и Крису, чтобы гнать их вперед, приходилось постоянно кричать и орудовать посохом. Но всякий раз, когда он опускал палку на отбившуюся тварь, ему приходилось переносить вес тела на больную ногу, и во внутренности вонзалось лезвие пронзительной боли.

Козы гадили повсюду, без какого-либо видимого усилия, сами того не замечая. И привлекали полчища мух. От них несло дерьмом, кровью, пылью и мочой. Они постоянно блеяли, причем это звучало не как классическое «ме-ме-ме», а словно какое-то занудное нытье. Так обычно хнычут маленькие дети во время долгой поездки на автобусе.

Крус их ненавидел. Ему хотелось перестрелять их всех из винтовки, спрятанной под халатом, затем съесть и отправиться домой. Но нужно выполнить одно треклятое задание, и не могло быть и речи о том, чтобы повернуть назад. Дело не в желании или привычке, и уж определенно здесь не пахло героизмом, «*semper fi*»³ и воспоминаниями об Иводзуме, Чосине и лесах Белло⁴. Просто сознание Круса устроено так, что никакие альтернативы он не рассматривал.

Винтовка неудобно болталась под просторным халатом. Она весила немного меньше «СР-25». Разработанная в России и изготовленная в Китае штучка под названием «СВД», снайперская винтовка Драгунова, со скелетообразным деревянным прикладом и удлиненным стволом, чем-то похожая на «АК-47», растянутый на средневековой дыбе. Добыча, подобранная на поле давно забытого боя, прежний владелец которой в тот раз финишировал последним.

Ремень вгрызался Рею в плечо, а острые углы натирали спину каждый раз, когда винтовка скользила из стороны в сторону. Она была очень неудобной – тяжелая штукавина, состоящая из грубо обработанных частей, преимущественно стальных, с обилием выступающих рукояток, колесиков, винтиков и штифтов. Винтовка олицетворяла основной принцип русской школы эргономики, гласящий: «Иди к такой-то матери, пользователь». На ствольной коробке установлен прицел с четырехкратным увеличением китайского производства, со странным дальномером, напоминающим пародию на лыжный трамплин в перекрестии, – такое чудо могло родиться только в голове человека, воспитанного в культуре Восточного блока.

Крус ненавидел винтовку. Однако он должен считать за счастье то, что она у него имела. Вместе с магазином, снаряженным десятью патронами 7,62x54R повышенной точности китайского производства.

Это все, что осталось. Начинал он с наблюдателем, достаточными запасами продовольствия и воды, но без пули, вырвавшей шесть унций плоти из его бедра. Пеший переход круж-

году был снят художественный фильм о его жизни.

³ Сокращение от *Semper fidelit* – «Всегда верен» (*лат.*). Девиз морской пехоты США.

⁴ Иводзима – принадлежащий Японии вулканический остров в северо-западной части Тихого океана площадью всего 8 кв. миль. В феврале – марте 1945 года во время ожесточенных боев за взятие Иводзимы погибло более пяти тысяч американских морских пехотинцев. Чосин (Чанчжин) – водохранилище на севере Корейского полуострова. В конце 1950 года в ходе войны в Корее перешедшие пограничную реку Ялуцзян китайские войска окружили в районе Чанчжинского водохранилища вооруженные силы ООН, состоявшие в основном из американских войск. Тяжелые бои велись в условиях сильных морозов. Положение американцев было настолько критическим, что рассматривался вопрос о тактическом применении ядерного оружия. Чосин – японское название реки Чанчжин; в западной литературе используется именно оно, поскольку войска ООН пользовались трофейными японскими картами. Леса Белло – место во Франции, где в начале июня 1918 года в ходе тяжелых боев американские морские пехотинцы остановили продвижение германских войск во время их весеннего наступления.

ной дорогой к Калату рассчитан на три дня. После выстрела – еще сутки отхода назад. Затем наблюдатель должен был связаться по радио со штабом, и за ними прилетел бы «Найтсталкер». Вечером они бы уже ели бифштексы, запивая их пивом, на передовой базе Винчестер. Ну а Палач, он же Ибрагим Зарси, вождь юго-западных пуштунских племен, торговец опиумом, полевой командир, шпион, оболъститель, предатель, сочувствующий талибам и связник «Аль-Каиды», валялся бы с дыркой в груди или с разmozженной головой.

Однако все произошло не так. Действительность редко следует намеченному плану операции.

– Господин майор, зачем посылать людей? – спросил Рей у С-4, начальника разведки батальона, в его бункере, в присутствии командира, первого заместителя и лейтенанта, командующего взводом снайперов. – Разве наши друзья из Управления не могут просто пустить ракету? Они ведь только этим и занимаются. Пусть какой-нибудь парень, сидя за компьютером где-нибудь в Лас-Вегасе, обрушит на голову Палача «Хеллфайр».

– Рей, я не должен это говорить, – сказал полковник Лейдлоу, – но, поскольку твоя задница на линии огня, ты имеешь право знать. Администрация закрутила гайки на запусках ракет. Слишком много жертв среди мирного населения. ООН ропщет. Наш тип обосновался в густонаселенном городе. Да, можно всадить ему в задницу дюжину «Хеллфайров», и он, скорее всего, отправится к своему Аллаху. Но если вместе с ним туда же отправится еще пара сотен любителей обматывать головы полотенцами, нам достанется по полной на первой полосе «Нью-Йорк таймс». Этим ребятам такие вещи совсем не нравятся.

– Хорошо, сэр. Мы уберем этого типа. Просто я беспокоюсь, как нам уходить из Калата. Хочу вытащить оттуда своего человека живым и невредимым. Нельзя ли держать в полной боевой готовности несколько «Уортхогов»⁵, чтобы они пришли на помощь, если там станет жарко? У нас не будет достаточно сил, чтобы прокладывать себе дорогу боем.

– Я пришлю тебе «Апачи». Наши «Апачи». Не хочу связываться с «Уортхогами» ВВС, потому что для этого потребуется слишком много согласований, а в этом случае ни о какой секретности говорить не придется.

Морские пехотинцы любили летчиков армейской авиации, поскольку те считали свои машины настолько надежно бронированными, что не боялись спускаться к самой земле. А вот вертолеты морской пехоты зависали где-то далеко, на большой высоте, выпускали «Хеллфайры», после чего возвращались домой. Пилоты ложились спать на чистое белье, выпив несколько martinи в офицерском клубе. По слухам, у некоторых даже имелись подружки.

Итак: никаких штурмовиков, может быть, «Апачи». Вопрос решен, и Крузу даже не пришлось в голову отказаться. Если не он, это сделает кто-то другой, который будет гораздо хуже его.

Задание нужно выполнить обязательно. Палач уже давно являлся головной болью американских морских пехотинцев, действующих в юго-восточном секторе Афганистана. Это кровавое прозвище закрепилось за Зарси после того, как он лично обезглавил французского журналиста, который на свой страх и риск отправился в Калат, чтобы взглянуть на происходящее с позиций талибов.

Когда управляемая бомба взрывалась под машиной с высоким начальством, происходило это потому, что лазутчики Палача точно знали, в каком именно «Хамви»⁶ в составе конвоя из двадцати пяти машин едут генералы. Когда патруль попадал в засаду и приходилось устраивать полномасштабную операцию, чтобы выручать своих, а нападавшие таинствен-

⁵ Американский самолет-штурмовик «Тандерболт II» F10, за свой внешний вид прозванный в армии «Бородавочником» (англ. Warthog).

⁶ «Хамви» (англ. HMMWV, Humvee) – американский армейский вездеход.

ным образом исчезали, считалось, что они укрываются в одном из убежищ Зарси. Когда снайпер прицельным выстрелом расправлялся с сотрудником ЦРУ, минометная мина или реактивная граната, выпущенная из РПГ, попадала точно в цель, и это нельзя было списать на случайное везение, а офицера афганской армии обнаруживали с перерезанным горлом, все указывало на Палача. Во всех остальных отношениях бывшего просто замечательным человеком – обаятельным, красивым, образованным (Оксфорд и Университет штата Айова), обладающим безукоризненными манерами. Который, приглашая к себе в дом американцев, в том числе высокопоставленных офицеров морской пехоты, смело нарушал строжайший запрет ислама в баре, где великолепный бармен готовил любые коктейли, какие только могло придумать воображение, и подавал их в стаканах под маленькими бумажными зонтиками.

– Я хочу отправить ублюдка на тот свет, – сказал полковник. – Мне пришлось долго драться с командованием и ребятами из Управления, чтобы получить санкцию на его устранение. Рей, я был бы рад просто нажать кнопку и смотреть, как с ним расправляются наши ребята-компьютерщики, но этого не будет. Так что ты должен прийти на место, завалить Палача из винтовки и уйти назад.

– Понял, – сказал Крус.

Стрелять предстояло с крыши гостиницы «Множество удовольствий», расположенной напротив дома Палача. Раз в неделю этот человек вел себя совершенно предсказуемо. С наступлением вечерних сумерек, во вторник – это неизменно происходило именно в этот день, – он покидал свой дом и в бронированном «Хамви» отправлялся в район Хоури в гости к очаровательной молодой проститутке по имени Минди. Девушке с глазами-миндалинами, волосами цвета безлунной ночи, умеющей утешать самые безумные фантазии.

Почему Зарси просто не поселил ее у себя? Проблемы домашнего очага. У Палача было три жены и двадцать один ребенок. Первая и третья супруги люто ненавидели друг друга, вторая пыталась сжить со свету первую, все трое беспрестанно требовали съездить в Беверли-Хиллз, и если добавить к этой взрывоопасной смеси малышку Минди, все остатки домашнего спокойствия окажутся разбиты вдребезги. Таким образом, считалось, что не только сексуальное мастерство Минди, но и то обстоятельство, что она была глухой и глухой, дарили Великому человеку мир и спокойствие, недоступные в его собственном сумасшедшем доме.

Что бы ни случилось, во вторник с наступлением сумерек Палач выходил из дома и направлялся к машине, проходя расстояние приблизительно десять ярдов. Тогда, и только тогда он становился уязвимым перед прицельным выстрелом. Стреляя из винтовки с глушителем с дистанции чуть больше двухсот ярдов, с такого угла, чтобы стена не закрывала цель, Рей мог запросто всадить китайскую снайперскую пулю в Палача в тот временной зазор длительностью пять секунд, который у него будет. Далее последует хаос: боевики-телохранители, не имея понятия, откуда сделали выстрел, начнут палить во все стороны, люди в панике бросятся врассыпную. А Рей и его наблюдатель спустятся по веревке с крыши гостиницы и поспешат в людный район Хоури, до которого всего несколько кварталов, где смешаются с толпой. Они превратятся в двух безликих бородатых «тюрбанов» в городе, кишасщем такими же, как они. На следующий день покинут Калат, доберутся до одного холма, расположенного в пяти милях к югу от города, и дождутся «Найтсталкера»⁷, который прилетит за ними.

– В теории все выглядит просто, – заметил С-4. – На практике так не будет.

В первый день Рей и Скелтон наткнулись на горной тропе на пару разведывательных дозоров талибов, не вызвав никакого любопытства у этих усталых боевиков, чьи зоркие глаза привыкли вглядываться в даль в поисках песчано-бурых камуфляжных мундиров морских

⁷ Имеется в виду вертолет поддержки, принадлежащий к 160-му воздушно-десантному спецполку армии США, носящему прозвище «Ночные охотники» (англ. Night Stalkers).

пехотинцев. Талибы постоянно видели пастухов, и если эти двое и показались им более обремененными, чем остальные, это не вызвало никаких подозрений. Рей и Скелтон двигались со скоростью своих коз, никуда не торопясь, хаотично блуждая, позволяя своим выносливым животным щипать травку, гадить и трахаться, как то считали удобным их крошечные козьи мозги, но все же выдерживая общее направление на базар в Калате, где их можно будет продать на скотобойню.

Соблюдая меры предосторожности, Виски-2-2 избегали деревень, спали, не разжигая костров, питались рисовыми шариками и черствыми пресными лепешками, вытирали руки об штаны и гадили, не пользуясь туалетной бумагой.

– Здесь прямо совсем университетская общага, – мечтательно произнес младший капрал Скелтон, когда они поднялись на гребень холма и увидели тропу, спускающуюся вниз.

– Вот только подрочить особо не удастся, – заметил Крус.

– Не знаю, как ты, Рей, а мне дрочить и не хочется. Прошлой ночью я очень неплохо провел время вон с той белокурой козочкой. Она просто принцесса.

– В следующий раз ведите себя потише. Вдруг где-нибудь поблизости окажутся плохие ребята.

– А она стонала, правда? Дружище, я что, не знаю, как ублажить девчонку?

Оба рассмеялись. У младшего капрала под халатами и куртками не была спрятана снайперская винтовка китайского производства, но он тащил на себе десять фунтов радиостанции ХФ-90М, карабин «М4» с усовершенствованным оптическим прицелом, десять снаряженных магазинов и футляр с биноклем «Шмидт и Бендер» с тридцатипятикратным увеличением. Да, со всем этим дерьмом он плелся, как старуха.

Они находились на пустынном высокогорном плато, уходящем на север. Впереди возвышались горы, уже в Пакистане, за невидимой границей, покрытые снегами, а местами и укутанные туманом, – территория негостеприимных горцев, куда американцам лучше не соваться, ибо там с ними расправятся без лишних вопросов. Местность каменистая, неприступная, усеянная редкими клочками чахлой серой растительности. Повсюду рассыпаны камни, за каждой возвышенностью открывался новый ландшафт тайных ущелий и проходов, и все вокруг выглядело буро-серым, покрытым налетом пыли.

Рей и Скелтон двигались по самой границе между предгорьями и собственно горами, и здесь царило безлюдное уныние. Вот только, разумеется, они знали, что за ними следят, и всегда исходили из предположения, что какой-нибудь талиб как раз сейчас разглядывает их в оптический прицел винтовки Драгунова или в отличный русский бинокль. Поэтому никакого американского ухарства, какое можно ожидать от этих двух атлетически сложенных парней, никаких бросков камнем в высоком баскетбольном прыжке и дружеских похлопываний по плечу, а также приятельских подножек и шутливых потасовок. И уж тем более поднятых средних пальцев и шутливых «ступай к такой-то матери». Молитвенные коврики, пять раз в день лицом к Мекке: мало ли кто может за тобой наблюдать.

И, разумеется, где-то в вышине маячил спутник или, скорее всего, беспилотный разведчик «Хищник», парящий взад и вперед и зорко следящий за всем, что происходит внизу, так что их изображение в цвете и в реальном времени отображалось на мониторах всех разведывательных служб свободного мира. Это было все равно что телешоу Джея Лено⁸, если не брать в расчет Афганистан. Отсюда еще одно правило: не смотреть вверх. Не смотреть в небо, показывая, что там кто-то присматривает за ними.

Штаб 2-го разведывательного батальона,

⁸ Лено, Джеймс – популярный американский комик, писатель и телеведущий.

*передовая база Винчестер,
провинция Забуль,
юго-восток Афганистана,
несколькими днями раньше,
15.56*

– Не думал, что это займет столько времени, – задумчиво произнес полковник.

– Сэр, – ответил его заместитель, – местность там пересеченная. Труднопроходимая. И не надо забывать про коз. Похоже, у них проблемы. Возможно, мысль оказалась неудачной.

– С-4, они идут в соответствии с графиком?

– Более или менее, – подтвердил начальник разведки. – Козий базар существует в Калате вот уже три тысячи лет, и вряд ли в обозримом будущем что-либо изменится.

Что за беда с этими разведчиками? Из них вечно прет это «если бы не мой ум, я бы не служил в разведке»⁹. Ну а этот тип еще хуже. Выпускник академии в Аннаполисе убежден в том, что именно он станет следующим командиром батальона.

– Мне наплевать на базар, С-4. Я имел в виду выстрел во вторник. Если наши ребята опоздают к сроку, им придется торчать в этом козлином городе еще целую неделю. Один прокол – их схватят, и Палач получит возможность поупражняться в своем ремесле.

– Так точно, сэр, – виновато промолвил начальник разведки, – я только хотел сказать...

– Знаю, С-4. Я сержусь на тебя просто потому, что, если не дам выход своей злости, от тревоги за наших ребят меня хватит удар.

Полковник Лейдлоу находился в бункере начальника разведки, на территории базы, окруженной многими милями колючей проволоки и мешков с песком. Три группы отправились на задания, и все сильнее бродили слухи, что где-то в следующем месяце всему батальону предстоит участвовать в крупной операции. Тем временем слишком много народу было скошено малярией, лечилось в психушках или отправилось в отпуска. Численность подразделения сократилась до шестидесяти процентов, а нужно начать с того, что состав разведывательного батальона и так меньше, чем стрелкового. Ничего не получалось, один из офицеров демонстрировал пугающие признаки депрессии, а его замена обещала вылиться в политический кошмар. Информация, поступающая из Управления, неизменно оказывалась запоздалой и неточной. И вот теперь еще двое лучших людей застряли черт знает где... Другими словами, для подразделения, находящегося в боевой обстановке, ситуация выглядела более или менее нормальной.

Полковник закурил сигарету. Кажется, номер триста пятнадцать. Вкус оказался таким же дерьмовым, как и у всех с двести тридцать третьей по триста четырнадцатую. Посмотрел на экран монитора. Это был Виски-2-2, как будто снятый с высоты две тысячи футов, хотя все определялось оптическим увеличением. В действительности «птичка» кружила в ста двадцати двух милях от земли, медленно вращаясь под управлением мудрецов из Лэнгли, оснащенная видеокамерами с объективами, способными давать такое разрешение, какое всего несколько лет назад казалось невероятным. При желании можно определять, какие яйца подали Палачу на завтрак – всмятку или в мешочек.

Лейдлоу и его штаб видели с нулевого угла по вертикали сквозь клубящийся туман и облака крошечных насекомых гребень холма. На нем движущиеся точки, похожие на копошащихся муравьев. Обилие бессмысленных цифр – полковник был слаб в технике – бежало по краям, вверху и внизу изображения, и требовалось какое-то время, чтобы к нему привыкнуть.

В углу экрана парила стрелка компаса, показывая стороны горизонта. Потренировавшись и привыкнув к стилизованному изображению, к вертикальному сжатию, обусловлен-

⁹ Игра слов, основанная на том, что английское intelligence имеет два значения, «ум» и «разведка».

ному нулевым углом, к серо-коричневой цветовой гамме, к облачкам пыли, поднимающимся тут и там, и ко всем мешающим цифровым данным, можно было научиться находить разницу между двумя морскими пехотинцами и более вытянутыми дергающимися силуэтами коз, бродящих из стороны в сторону.

– Долго еще? – спросил полковник, желая узнать, когда спутник продолжит свой путь вокруг земли и Виски-2-2 пропадет из виду.

– Еще около десяти минут, сэр, – сказал начальник разведки. – После чего придется с ними попрощаться.

Они знали, что эти непонятные силуэты на большом мониторе являются отрядом Виски-2-2, а не парой настоящих пастухов, благодаря перекрестию, которое наводило камеру строго на цель. Оно указывало на микросхему джи-пи-эс и крохотный передатчик, спрятанные в прикладе «СВД» Круса. Спутники сообщали микросхеме, где именно она находится, а передатчик, в свою очередь, извещал весь мир о том, что узнала от спутников микросхема. Это упрощало проблему определения и идентификации цели и означало, что когда спутник находился в зоне видимости, он мог наблюдать за ребятами.

Однако Виски-2-2 не знали об этом, и С-4 и полковнику Лейдлоу было несколько не по себе. По сути дела, они без разрешения подсматривали за своими людьми, словно не доверяли им. В качестве оправдания полковник убеждал себя, что это необходимо на тот случай, если потребуется срочно эвакуировать группу, если младший капрал Скелтон, раненый или убитый, не сможет включить рацию и продиктовать координаты. Тогда можно будет вызвать «Уортхоги» армейской авиации и вспахать землю снарядами из тридцатимиллиметровых автоматических пушек и неуправляемыми ракетами, одновременно направив вертолеты морской пехоты, чтобы забрать ввязавшихся в бой Виски.

– Это еще кто такие? – спросил кто-то.

– Гм, – неопределенно пробормотал начальник разведки.

– Где, что, пожалуйста, выведите информацию, – распорядился полковник Лейдлоу.

– Сэр, прямо впереди наших людей, по линии их движения, на вершине холма, приблизительно в полумиле к западу, то есть справа.

Чтобы избавить полковника от мучительного перевода указаний в конкретное местоположение на экране, С-4 подбежал к монитору и ткнул пальцем в то, что первым заметил заместитель командира. Определенно, это не козы. Нет, это группа парней, белесых на тусклом буром фоне окружающей местности, но только силуэты выглядели длиннее и не двигались, из чего следовало, что они распростерты на земле. Если они развернуты в нужную сторону, это означает, что они сознательно расположились на пути у Виски-2-2.

– Талибы?

– Вероятно.

– Это создаст проблемы?

– Не должно. Наши ребята дважды натыкались на дозоры вчера и еще один раз сегодня утром. Талибам они должны казаться обыкновенными пастухами.

– Да, но только тогда талибы стояли, шли, двигались по своим делам, оглядываясь по сторонам. Эти же ребята лежат на месте. Возможно, это засада.

Офицеры морской пехоты смотрели не отрываясь на экран, где в реальном времени разворачивалась драма. Лейдлоу закурил новую сигарету. Начальник разведки не острил. Заместитель командира не пытался вставить слово. Командир взвода снайперов угрюмо молчал. Просто так произошло.

Отряд, перегородивший дорогу Два-два, зашевелился, затем снова застыл. Проклятие, ну почему никто не заметил их появления? Быть может, то, откуда они пришли, помогло бы раскрыть их намерения.

– Долго еще? – спросил полковник Лейдлоу.

– Две минуты.

– Сэр, я могу связаться с Виски по рации. Предупредить их. – Это сказал заместитель.

– При всем моем уважении, в этом случае Скелтону придется сесть на корточки, задрать халат, отстегнуть рацию и говорить в трубку, – возразил начальник разведки. – Все эти действия выдадут наших парней. Если те типы, что лежат перед ними, плохие, или мы их не видим, потому что они, скажем, прячутся в пещерах, вызов по рации определенно выдаст отряд. Операция полетит ко всем чертям. наших парней прикончат, или же им придется удирать, отстреливаясь.

– Проклятие! – в сердцах выругался полковник.

– Мне не нравится местонахождение. Они лежат, приготовились стрелять. У Управления в этих местах нет своей группы? – спросил заместитель.

– Меньше часа назад их представитель заверил меня в том, что у них там никого нет, – ответил С-4. – В этом районе действуем только мы.

– Посмотрим, чем все это закончится, – пробормотал полковник.

Все ждали, прильнув к экрану. Две маленькие группы неумолимо сближались. Горстка коз рассеялась вокруг древней горной тропы, шесть вероятных врагов застыли в классических позах для стрельбы, каким обучают в школе морской пехоты в Кемп-Леджен, раздвинув ноги. Возможно, один приподнялся на корточки и смотрел в бинокль, остальные прильнули к окулярам оптических прицелов.

– Ни хрена мне все это не нравится, – заметил полковник. – Ну где наши чертовы «Хеллфайры», когда они нам нужны? Я бы с удовольствием размазал ублюдков по камням, кем бы они ни были.

– Наверное, это орнитологи из телеканала «Планета животных», – пробормотал начальник разведки. – Или, быть может, миссионеры из Всемирной лиги защиты сирот. А может быть...

Но он не успел закончить. Два-два достигли точки максимального сближения с неизвестной группой на вершине холма и оказались у них на виду.

Спутник с безразличием Господа Бога смотрел, как из дул винтовок распростертых людей вырвались частые вспышки, свидетельствующие о скорострельном автоматическом оружии.

– Засада! – пробормотал полковник.

*Виски-2-2,
провинция Забуль,
северо-восток Афганистана,
16.05*

Козы лились дождем. Они летали в воздухе среди комьев земли; одни – целые и бляющие, другие – разорванные на части и брызжащие кровью, третьи – превращенные в бесформенное месиво. Погода стала определяться козами на все сто процентов: красный туман, клочья изуродованной плоти, распутанные внутренности, произвольные крики животных, внезапно почувствовавших приближение собственной смерти.

Вдруг Скелтон взмыл в воздух. Он пролетел, вращаясь, футов пятнадцать, с застывшим на лице недоумением, раскинув ноги и руки, бросая вызов силе земного притяжения.

В это мгновение Рей отпрыгнул в сторону, спасая жизнь, ибо стрелявший наверняка вел стволом справа налево, ведя огонь в полуавтоматическом режиме. Он дважды промахнулся, попав вместо человека в козу. Огромные пули калибра 12,7 мм выбрасывали волны страшной энергии, подбрасывая коз высоко в воздух и швыряя их на землю. Добившись попадания в Скелтона, снайпер повернул тяжелый ствол на сошке еще на полмиллиметра, собираясь всадить пулю в Круса.

Однако, целясь в центр массы, он не успел за метнувшимся по дуге Реем, и к этому еще добавилось время, необходимое пуле, чтобы долететь до жертвы. Так что «товарный состав» лишь зацепил Круса за внешнюю сторону правого бедра. Пуля не задела кость, не разорвала сосуды, перекачивающие жизнетворные жидкости, и вообще не принесла ничего, кроме энергии.

Рей взлетел, оставив землю позади. Ему не раз приходилось видеть, как пуля калибра 12,7 мм попадает в человека. Он и сам не раз прикладывал к этому руку и знал, на что похож этот феномен. Как правило, высвобождаемая энергия – что-то в районе пяти тысяч футо-фунтов – так велика, что обмякший мешок крови, раздробленных костей и разорванной в клочья плоти, смутно напоминающий человеческое существо, отлетал назад, иногда аж на тридцать футов, раскинув в стороны руки и ноги, и падал на землю бесформенной массой.

Так же произошло и с Реем. Он находился в воздухе так долго, что успел в полной мере вспомнить своих родителей, давших ему все то, что он хотел и в чем нуждался, – любовь, поддержку и веру. А также морскую пехоту, которая пришла на смену родителям, когда те отошли в мир иной, и предоставила ему столько возможностей заниматься тем, что получалось у него лучше всего. И только потом он упал на землю, разбрасывая камни, сухие листья и мелкие ветки. Сплюнув харкотину, смешанную с грязью, Рей поблагодарил Бога за то, что не упал навзничь, так как в этом случае чужеродная «СВД» впиалась бы ему в спину, оставив синяки и, возможно, сломав несколько ребер.

Оставшиеся в живых козы жалобно блеяли, в панике мечась из стороны в сторону, даже не останавливаясь, чтобы погадить.

– О господи, Рей! – услышал Крус крик Склтона. – Я ранен... мне больно... о, Рей, он меня убил!

– Оставайся на месте! – крикнул в ответ тот. – Иду к тебе!

– Нет, уноси ноги ко всем чертям. Твою мать, ублюдок проделал дыру мне в животе, и я не могу пошевелиться. Рей, уходи, уходи, уходи!

Вспышки выстрелов, вырвавшихся из дула крупнокалиберной винтовки, опять озагрили гребень холма, отправляя в воздух новых посланцев разрушения. Блеяли козы, над землей взлетали фонтанчики, с сердитым присвистом пели осколки камня и металла. Крус, отлетевший в небольшое углубление, оказался в мертвой зоне, в то время как бедняга Склтон получил по полной вторую порцию.

Прижимаясь к земле, Рей сожалел о том, что не видит напарника. Если парень мертв, нет смысла торчать здесь. Если же Склтон только ранен... что ж, это уже совершенно другое дело, поскольку у него есть винтовка, и если сыграть хладнокровно и позволить ублюдкам подойти поближе, чтобы взглянуть на свои жертвы, можно будет завалить двоих-троих, прежде чем они успеют ответить. Рей по-пластунски прополз несколько шагов вверх по склону, укрылся за тушей убитой козы и осторожно выглянул. Похоже, на Склтоне не осталось ни одного живого места.

«Долбанные козлы», – мысленно выругался Крус. Что ж, когда-нибудь обязательно наступит день, и он возьмет убийц на мушку. И с наслаждением проследит, как они затихнут навеки, уступив настойчивой просьбе пуль калибра.308 с полым наконечником.

Но это произойдет в отдаленном будущем. Пока что единственным благоразумным решением являлось отступление, и Рей отполз назад, подальше от убитого Склтона. Быстро оглядевшись по сторонам, решил направиться к небольшой ложбине в нескольких сотнях ярдов ниже по склону, которая, в свою очередь, вела к более сложному геологическому объекту.

Он понимал, что если будет торопиться, то обязательно оставит следы, а эти горцы-пуштуны – дьявольски опытные следопыты. Поэтому Рей побежал к своей цели круглым путем, первую сотню ярдов или около того передвигаясь от одного валуна к другому, от

одних кустов к другим, рассуждая, что, когда враги спустятся сюда, им придется остановиться, искать его следы, и им потребуется несколько часов, чтобы установить его истинный маршрут. Если повезет, они не успеют до наступления темноты, и тогда у него будет целая ночь, чтобы уйти как можно дальше.

Но уйти куда? Можно развернуться и направиться обратно к передовой базе. Но в таком случае ради чего погиб Склелтон? Бессмысленная смерть казалась Рею чересчур жестокой. Одно дело – если тебя прихлопнут во имя какой-то цели, когда ты будешь выполнять задание или вытаскивать друга из беды. Но если твоя смерть случайна, просто абстрактная физическая функция, благодаря которой ты оказался в определенном месте как раз тогда, когда через него пролетал определенный кусок свинца, что ты получил? Ровным счетом ничего.

Крус размышлял, быстро спускаясь странным пружинистым прихрамывающим шагом вниз по склону, и в конце концов повернул назад к лощине. У него была винтовка, снаряженный магазин. Нога горела адским огнем, но, похоже, не получила никаких серьезных повреждений, а такую неприятную мелочь, как боль, можно перетерпеть.

Он получил хорошую фору, если эти клоуны охотились именно на него. Но это могла быть просто горстка повстанцев, которые лишь недавно сняли «барретт» 50-го калибра с подорвавшегося на mine «Хамви» и решили повеселить свои дикие души, перестреляв невинных пастухов. Однако они не имели никакого желания ввязываться в сложную игру преследования добычи.

Рей все обдумал и принял решение. На первом месте операция. Ее нужно довести до конца, черт побери. К вечеру понедельника добраться до Калата, на следующий день прикончить ублюдка по прозвищу Палач, после чего вернуться домой и оплакивать Билли Склелтона.

*Штаб 2-го разведывательного батальона,
передовая база Винчестер,
провинция Забуль,
северо-восток Афганистана,
на следующий день,
15.55*

Неопределенность хуже смерти. Специалист настроил канал связи со спутником с обычным презрением технаря к остальным офицерам. Однако ему, как и всему батальону, было известно, что Рею и Склелтону досталось по полной. И все же он ничего не мог поделать с той уверенной скоростью, с какой его пальцы летали по клавиатуре, с тем особым мастерством технарей, которое считалось чем-то загадочным и непостижимым. Просто это велось слишком глубоко.

Вся долгая ночь прошла без радиосвязи. ХФ-90М Склелтона была разбита пулей, или упала в канаву, или, как это частенько случается с рациями морской пехоты, решила в самый разгар боевой операции устроить себе небольшой отдых, кто может сказать? Связисты всю ночь напролет пытались связаться с Два-два на рабочей частоте, на запасной частоте, на частотах авиации и даже на частотах афганской армии. В ответ ни писка, черт побери.

Наконец появилось изображение – серо-зелено-черно-бурая сюрреалистическая действительность, вид на провинцию Забуль из космоса, полученный одним ведомством, расположенным в Лэнгли, в живописном районе штата Вирджиния, и переправленный на противоположный конец земного шара в комнату, набитую офицерами морской пехоты, слишком много курящими, слишком сильно встревоженными, слишком явно разозленными.

Перекрестие не зафиксировалось в одной точке. Оно плавало по экрану, казалось пытаюсь найти цель, однако в действительности вся проблема заключалась в телевизионном объективе, парящем небе над Гиндукушем. Объектив двигался, стараясь нащупать частоту мик-

росхемы джи-пи-эс, вмонтированной в приклад винтовки Рея. Перекрестие дрейфовало туда и сюда, казалось беззаботно плавая над пересеченным ландшафтом провинции Забуль, представляющей в основном каменистую пустыню, кое-где рассеченную скалами и горными хребтами.

– Проклятие, – пробормотал полковник Лейдлоу. – Нельзя ли побыстрее?

Младший капрал ничего не ответил, не из грубости, а потому, что ему хорошо известна привычка полковника обращаться с комическими детскими просьбами, веселя всех присутствующих.

И вдруг...

– Захват! – воскликнул младший капрал. – Есть захват!

И действительно, как подтвердило светящееся сообщение в нижнем углу экрана, мудреное устройство поиска обнаружило сигнал Виски-2-2 и стиснуло его своими электронными челюстями. Местность, расположенная под спутником, выглядела... в общем, она выглядела в точности так же, как любой другой район провинции Забуль.

– Это он? – недоверчиво спросил заместитель командира. – Может быть, это ублюдок-талиб, подобравший новенькую винтовку.

– Где это, С-4? – угрюмо осведомился полковник. – Мне нужно точно знать место.

– Так точно, сэр, – ответил начальник разведки, считывая координаты, полученные со спутника, и лихорадочно стараясь сопоставить их с геодезической картой, приколотой к столу. – У меня получается, что он в семи милях к востоку от места засады, – быстро произведя вычисления в уме, сказал он. – По-прежнему движется в направлении Калата и хочет войти в город с запада.

– Господи Иисусе, – пробормотал заместитель командира. – У него козы!

Это действительно было так. Каким-то немыслимым образом те козы, каким удалось выжить в бойне, прошли следом за Крусом по оврагам, ущельям и трещинам Забуля и снова собрались вокруг него. Да, несомненно, это был Рей – чуть более светлая фигура в окружении поредевшего, но такого же надоедливого козьего войска, движущегося по горной тропе.

– Да, филиппинец крепкий, – заметил начальник разведки.

– По-моему, в его жилах течет кровь конкистадоров, и еще у него немножко ДНК от камикадзе, – с восхищением промолвил лейтенант. – Ничто не сможет остановить Крылатую Ракету.

– Смотрите! – вдруг воскликнул начальник разведки. – Я не ошибаюсь?

Он указал на экран.

В нижнем углу, наполовину скрытая пулеметной очередью бегущих цифр, которые не понимал никто из присутствующих, в том числе и технический специалист, по пустыне двигалась шестерка светящихся силуэтов. Они выстроились классическим ромбом, выдвинув одного человека вперед и двоих в стороны на удаление сто ярдов. Было видно, что преследователи движутся с легкой, отточенной четкостью.

– Они охотятся на Рея, – заметил кто-то.

– С-4, дайте дистанцию.

Произведя расчеты, начальник разведки доложил:

– Они меньше чем в миле от него. И направляются к нему. По-моему, они не ищут след – идут слишком быстро.

– Твою мать, как им удалось не потерять его ночью?

– Не могу сказать, сэр.

– Эти долбаные козы мешают.

– Но если у Рея не будет коз, это привлечет к нему внимание. Он должен оставаться с козами, и он это понимает.

– С-4, свяжись с человеком из Управления и узнай, нельзя ли вдарить по этим типам «Хеллфайрами».

Начальник разведки взял телефон. Судя по всему, разговор получился неприятным. Не выдержав, полковник вырвал трубку.

– Говорит полковник Лейдлоу. Будьте добры, с кем я разговариваю?

– Сэр, это Маккой.

Полковник встречался с этим парнем: тридцать пять лет, рыжий, уроженец Алабамы, правая рука оперативного начальника, бывший боец отряда «Дельта».

– Послушайте, Маккой, у меня в горах снайпер, и за ним по следу идут шестеро плохих парней. Вы сами можете посмотреть картинку со спутника.

– Как раз сейчас мы ее наблюдаем, господин полковник. Это операция по устранению Палача, я прав?

– Совершенно верно. Послушайте, я хочу, чтобы беспилотный разведчик всадил в этих ребят осколочный «Хеллфайр», пока они не подошли слишком близко к нашему парню, пока они не рассеялись и их можно накрыть одним ударом. У вас в тех краях летает «Потрошитель»?

– Сэр, вынужден ответить на эту просьбу отрицательно. Сожалею о вашем парне, но у нас строгая инструкция поражать только достоверно определенные цели и только с санкции Лэнгли. Я просто не могу это сделать.

Полковник выдал ему несколько минут отборной брани, но Маккой оставался непоколебим, а сам оперативный начальник отсутствовал – завоевывал умы и сердца простых афганцев в каком-то отдаленном кишлаке, обучая их основам конституционной демократии, гигиены полости рта или чего-то еще.

– Ну, хорошо, – сказал полковник, возвращая начальнику разведки трубку. – Не будем опускать руки. Отправляйся в 113-ю эскадрилью в Рипли. Может быть, пошлем туда «Апач».

– Я попробую, сэр, но едва ли «Апач» успеет туда вовремя, и я не знаю, как командование отнесется к появлению в этих краях такой шумной штуковины.

– Проклятие! – выругался полковник, продолжая наблюдать за тем, как охотники настигают добычу.

*Виски-2-2,
провинция Забуль,
юго-восток Афганистана,
06.19*

Утром Крус проснулся оттого, что его кто-то лизал. Плохо, что язык принадлежал козе, а не красивой женщине.

Всю ночь Рей бегал по оврагам. Он несколько раз упал, вспоминая в самый последний момент о необходимости не извергать проклятия, ударяясь о землю. Безлунная ночь превратила переход в сплошное мучение. Однако нужно непрерывно двигаться. Рей понимал, что в противном случае нога отечет и тогда идти станет еще болезненнее.

Он должен был выжать из себя все до последней капли. Но овраги – это не линия метро; ни один из них не вел напрямую к Калату, поэтому приходилось идти по одному оврагу до тех пор, пока тот не отклонялся в ненужную сторону. После чего карабкаться по крутым стенам, опираясь на палку, переваливать через гребень и сползать в следующий овраг, ведущий в более или менее нужном направлении.

Рей сознавал, что ни о какой скорости не приходится и мечтать, но если двинуться по ровной местности, его силуэт стал бы виден любому хаджи¹⁰ с трофейным американским

¹⁰ Так американцы называют противоборствующих им иракских и афганских повстанцев.

прибором ночного видения. Или он мог бы наткнуться на отряд талибов, торговцев опиумом или пуштунских повстанцев, увешанных с ног до головы автоматами Калашникова и РПГ. В таких местах лучше ни с кем не встречаться.

Крус сломался перед самым рассветом. С момента засады он практически непрерывно находился в движении. Его тело могло вынести больше, чем тела большинства живущих на земле, но и оно достигло своего предела. Отыскав сравнительно ровное место, Рей устроился под валуном, и сон тотчас же укутал его черным покрывалом забвения, лишённого сновидений.

От козьего языка несло дерьмом, как и от всего в треклятом Афганистане. Вскочив, Рей ощутил, как по всему телу от черно-сине-зеленой ноги разлилась острая боль, и сдавленно вскрикнул. Долбанные козы его нашли. Какой инстинкт, заложенный в козьем мозгу, помог им идти следом за ним в кромешной темноте? Разумеется, животные могли разбрестись по пустынному плато, как по зеленому сукну бильярдного стола, но что вывело их по прямой во мраке прямо на него? Запах, его присутствие, разнесенное ветром? Другая коза потерлась о Рея носом и лизнула его лицо, демонстрируя что-то вроде тупой животной любви в своих влажных сентиментальных глазах. Заблеяв, она поежилась – разумеется, нагадила – и снова с любовью уткнулась в него носом.

– Ах ты, глупая стерва, – пробормотал Крус, но все-таки вознаграждал козу за преданность, почесав ей шею.

Завтрак: рисовые шарики, финики и глоток теплой воды из бурдюка из козьей шкуры. Поев и насытившись жидкостью, Рей проложил азимут с помощью выдавшего виды бронзового компаса, выпущенного в Англии в 1925 году, нашел ориентир на местности и снова тронулся в путь.

Это был день, следующий за тем, когда они нарвались на засаду. Боль оставалась постоянной, а вот сознание временами пропадало. Похоже, несколько раз Рей отключался прямо на ходу. Козы то жались к нему, то разбегались в поисках приключений, а он старался по возможности поддерживать среди них дисциплину.

Местность вокруг определенно нисколько не менялась: это по-прежнему бескрайнее море острых скал, невысоких холмов, скудной растительности и обилия пыли.

Ему нужно идти быстрее, поскольку завтра уже воскресенье, и он должен к ночи добраться до Калата, чтобы в понедельник войти в город, сориентироваться и во вторник подготовиться к выстрелу. Вопрос стоял так: или во вторник, или никогда, потому что он не сможет прожить в городе целую неделю. Несомненно, рано или поздно кто-нибудь обратит внимание на то, что он не говорит ни на дари, ни на пуштунском. Или на какой-нибудь из тысячи характерных знаков, которые выдадут его. Быстро войти и быстро выйти – или вообще никакой игры.

Добравшись до гребня, Крус заглянул на противоположную сторону. Козы толпились вокруг, непрерывно блея. Взобравшись на гребень, Рей поскользнулся, оперся на больную ногу и сквозь общую боль почувствовал конкретную, которая нанесла сильный удар, едва не свалив его.

Воды? Нет. Ему не хватит до завтра, если он начнет прикладываться к бурдюку всякий раз, когда возникнет желание. Но как же страшно болела чертова нога!

«Ну, хорошо, – сказал себе Рей, – отдохни немного. У тебя есть еще два часа светлого времени суток, ты сможешь идти ночью, хотя и со значительно уменьшенной эффективностью, и еще вздремнешь пару часиков, до тех пор, пока козий будильник не пропоет тебе на ухо: «Я тебя люблю, крошка».

Он решил вознаградить себя небольшим привалом. Неуклюже опустился на землю, стараясь держать ногу прямой, долго ерзал, пока не нашел что-то вроде удобного положения, насколько только это возможно в боевых условиях в Афганистане, и начал выплачи-

вать организму долг по части кислорода. Через несколько минут Рей почувствовал себя чуть посвежевшим – никакого вздора вроде «semper fi!» или «вперед, в атаку!», а просто небольшое ослабление общей усталости. Пора идти.

Крус также решил, что будет неплохо произвести быструю рекогносцировку, на всякий случай. Забравшись на гребень, он присел на корточки, оглядывая местность, по которой только что прошел. Она выглядела в точности так же, как и та, по которой ему предстояло идти.

Он увидел остроконечные зубцы сотни штыков, которые взметнулись вверх, превращая весь мир в зазубренную линию. Обрывистые подъемы и спуски, вздымающиеся один за другим гребни, бесконечные, выкрашенные в бесцветную краску афганской высокогорной пустыни, бурую, серую, бледно-розовую, цвета кофе с молоком; здесь даже растения коричневые.

Высоко в небе громоздились кучевые облака, предвестники грозы – единственная чистая, ясная вещь во всем мире. Далеко на востоке – горы Пакистана, гораздо более высокие. Рей знал, что, если повернуться туда, можно увидеть в сотне миль силуэты Гиндукуша. Самые высокие горы на земле видны издалека.

Рей уже приготовился двигаться дальше, как вдруг увидел их.

«Твою мать», – подумал он.

Соскользнув с гребня, он расстегнул халат, выполнил необходимые действия, чтобы освободить «СВД», пристегнутую за спиной, и вернулся назад.

Ему потребовалось время, чтобы снова сориентироваться. Первоначальным указателем явилось мимолетное движение на вершине соседнего холма, там, где никакого движения быть не должно.

Приставив приклад к плечу и сняв с оптического прицела защитные колпачки, Рей занял положение для стрельбы лежа, высунувшись над гребнем и раздвинув стволом винтовки пожухшую траву для лучшего обзора. Его глаз прильнул к окуляру, а палец опустился на маховичок грубого китайского прицела. Убедившись в том, что солнечный луч не отразится от объектива, выдавая стрелка предательским блеском, Рей покрутил маховичок в ту и другую сторону, жалея о том, что у него не штатный прицел морской пехоты с десятикратным увеличением вместо этого четырехкратного «китайца». Обругав последними словами сложное перекрестие с идиотским дальномером, закрывающим слишком много подробностей, он навел объектив на подозрительное место, давая возможность низкосортной китайской оптике различить в мельчайших деталях все, что можно.

Ничего.

«Я точно знаю, что видел что-то».

Рей решил выждать несколько секунд. «Вероятно, я видел их на гребне. Теперь они спустились».

Он увидел, как они появились на холме и тотчас же исчезли, рассыпавшись вдоль ручья. Одежда цвета хаки, высокие ботинки на шнуровке армейского образца, тюрбаны, скрывающие бородатые лица, шеи, обмотанные платками в черно-зеленую клетку, которая так нравится многим. Груды перетянуты крест-накрест ремнями с запасными магазинами. Один тип в бейсболке, защитного или серого цвета, и именно он тащил тяжелую винтовку «барретт» 50-го калибра. Монстр на самых пределах транспортабельности, двадцатипятифунтовое мучение, неудобное, словно чугунный кассовый автомат, и годное только для одного: чтобы заваливать Джонни Пуштуна на большом расстоянии. У остальных были «калашниковы», обычное оружие для этой части мира, а у одного за спиной болталась пара РПГ.

Именно тип в бейсболке привлек внимание Рея, даже в слабенький китайский прицел с четырехкратным увеличением. Да, он носил бороду, да, его кожа стала коричневой

под жестоким афганским солнцем, да, он двигался с пружинистой, ловкой грациозностью воина-пуштуна, прожившего в этих местах тысячу лет, сражаясь с копьеносцами Александра Македонского, всевозможными монгольскими завоевателями, а затем с войсками Виктории, Михаила, Джорджа У. и вот теперь Барака¹¹. Да, да и да, но и еще одно: он был белым.

*Отряд контрактников,
провинция Забуль,
юго-восток Афганистана,
20.35*

– Мик, времени у нас осталось в обрез, – сказал Тони Зи.

– Эй, не хочу даже слышать об этом! Я хочу слышать вот что: «Мик, черт побери, давай прибавим шагу!»

– Мик, черт побери, давай прибавим шагу, – сказал Клоун Крекер.

– Очень смешно, Крекер.

В сгущающихся сумерках виднелись только холмы, холмы и холмы. Согласно последним данным, до этого типа оставалось меньше полумили, и контрактники его настигали. Однако надежды на прицельный выстрел в светлое время суток быстро угасали. Мик не имел ни малейшего желания работать в темноте. Ничего не видно, слепящие вспышки выстрелов, все палят наобум, на всех только один прибор ночного видения, с большого расстояния не выстрелишь, – нет, ночью сплошные минусы и почти никаких плюсов.

С другой стороны, если этот тип их заметит, он устроится поудобнее и начнет щелкать их по одному издавляя из своей длинной винтовки. Затем – если, конечно, первая пуля не достанется ему – Мик, может быть, и попробует завалить его из своего долбаного тяжеленного «барретта», который он уже замучился таскать. Из этой штуковины человека можно пристукнуть на расстоянии целой мили, и Мик уже не раз имел возможность в этом убедиться.

Подумав об этом, он снова мысленно выругался: твою мать! Отряд вышел в нужную точку, он поймал цель в перекрестие прицела – и все-таки промахнулся. Быть может, легкое дуновение ветерка снесло первую пулю весом семьсот пятьдесят гран в ту или в другую сторону, и она лишь разметала по воздуху коз; второй «товарный состав» тоже прошел мимо, черт побери, но наконец Мик взял себя в руки и подбросил одного типа на тридцать футов в воздух. Затем навел ствол на второго, как раз когда тот пытался спрятаться за валун, и пустил его вплавь, словно летающую тарелку, плывущую по лужайке в школьном дворе. После чего до конца разрядил магазин, отправляя новых коз на барбекю на небеса, и вторично поразил единственное оставшееся на виду тело – так, что оно разорвалось надвое.

Когда час спустя они приблизились к зоне смерти, продвигаясь медленно, осторожно, никакого второго тела не оказалось, твою мать.

– Видишь кровь?

– Всего несколько капель, Мик. Очевидно, это не зияющая рана в живот; от потери крови он не сдохнет.

– Я сам видел, как он подлетел в воздух, прощаясь с жизнью, – заметил Тони.

– Даже вскользь пуля из этой долбаной штуковины отправит человека в полет почище «Фау-2». Однажды в Басре я попал в одного ублюдка как раз под нужным углом, так он вылетел через ветровое стекло и пролетел еще футов тридцать. Твою мать, ну он и удивился! – Мик бережно лелеял это теплое приятное воспоминание.

Итак, заключение: одному из морпехов удалось уйти.

¹¹ Имеются в виду королева Великобритании Виктория, генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, президенты США Джордж Буш-младший, Барак Обама.

– Пора перейти к погоне, – заметил Крекер.

– Подожди-ка, – возразил Тони Зи. – Видишь ли, мы уже ведем погоню. Это и есть погоня. Так как же нам перейти от погони к погоне?

– Пошел к такой-то матери, – пробурчал Крекер.

– Заткнитесь, мать вашу, – вмешался Мик. – Нам нужно отправляться по следу. Этот тип задет, идти быстро он не сможет. Скорее всего, решит отлежаться в какой-нибудь пещере. Мы должны выследить его и прикончить.

– Я не нанимался участвовать в боевике. Я здесь, чтобы выстрелить и получить бабки. – Это произнес сумасшедший Крекер, молодой парень, подобно Мику успевший послужить в армии.

– За эти две головы нам платят по первому разряду. И мы доставим обе головы. Крекер, ты же служил в спецназе, тебе и карты в руки. Для тебя выследить этого типа – раз плюнуть.

– Я забыл кроссовки в гостинице, – огрызнулся тот.

И вот сейчас, почти целый день спустя, в сгущающихся сумерках они знали, что цель уже совсем близка.

Но Тони Зи сказал:

– По-моему, нам нужно отклониться, обойти его, и пусть он сам выходит на нас. Он шагает с трудом, я видел его полет, так что даже «скользячка» доставляет ему жуткую боль. Сейчас он обязательно свалится с ног. В конце концов, он всего-навсего морпех, а не супермен, твою мать.

Однако Мик не собирался уступать.

– Давайте-ка пораскинем мозгами. Я хочу сделать это дело как надо.

Один из «тюрбанов» – всего их было трое, талибов, которых в другой обстановке Мик пристрелил бы не раздумывая, однако сейчас в зоне племен именно они служили пропуском к безопасности, – пробормотал что-то на своем долбаном наречии, и Тони Зи, понимавший эту тарабарщину, перевел:

– Махмуд говорит, что здесь внизу есть тропа, преимущественно ровная. Скорее всего, по ней мы сможем обогнать нашего морпеха.

Такое искушение. К черту эту хренотень с преследованием. Можно больше не беспокоиться о том, что герой-морпех выстрелит первым, и просто подкараулить его и подстрелить из «барретта».

Мик был солдатом, и еще он классно играл в американский футбол благодаря своим внушительным габаритам. Он с юных лет понял, что благодаря физической силе может подчинять себе других, и ничего не имел против – наоборот, даже наслаждался этим настолько, что в конце концов привык бить людей направо и налево, чтобы привлечь их внимание. Увы, отделаться от этой привычки оказалось очень непросто. Вот почему различным структурам и ведомствам, платившим ему за то, чтобы он творил насилие по заказу, быстро надоедали его проблемы с дисциплиной, неумная алчность и то, как он подминал под себя любую команду, в которую попадал. В конце концов его выставили даже из печально знаменитого агентства «Грейвульф»¹², после того как он пристрелил сдавшегося в плен боевика прямо перед объективом телекамеры Си-эн-эн – худший карьерный ход трудно представить. Сейчас Мик работал на другого клиента, который не так разборчиво относился к определенным моральным принципам.

Он взглянул на свои здоровенные навороченные часы «Суунто» – венец высоких технологий финского производства, настолько сложные, что они чуть ли не могли предсказывать будущее, – и увидел, что у него есть всего несколько минут для выбора позиции.

¹² Вымышленная частная охранная компания, во многом срисованная с реальной компании «Блэкуотер», сотрудники которой печально прославились в Ираке.

– Будем ждать здесь до тех пор, пока я не свяжусь с Макгайвером. Нам нужно узнать, где наш герой.

Сгущающаяся темнота покрывала тенями суровый ландшафт, и слабый ночной ветерок поднимал облачка песка и пыли. Один из «тюрбанов» стал жевать какую-то подозрительную травку – то ли чтобы лучше видеть в темноте, то ли чтобы зарядиться исступлением мученика веры.

Тони Зи присел на корточки рядом с Миком, с любовью поглаживая свой «АК». Парень обожал оружие; в кобуре под мышкой у него покоился изготовленный на заказ «вильсон» 45-го калибра, а в кармане рюкзака болтался «рюгер» 38-го калибра с лазерным прицелом.

Мик, радуясь возможности хотя бы на несколько минут избавиться от тяжести «барретта», скинул с плеч рюкзак, расстегнул карман и достал сгусток полупроводниковых технологий под названием защищенный спутниковый телефон «Турайя СГ-2520». Именно данный аппарат играл решающую роль в этом безумном предприятии. С виду обычный сотовый, он обладал лишь одной отличительной особенностью – короткой пластмассовой трубкой на конце, из которой вылезали добрых пять дюймов прочной антенны, позволявшей в отсутствие обычной сотовой сети связаться с созвездием из сорока восьми спутников «Турайя», вращающихся вокруг Земли на низкой орбите. Телефон был заранее настроен на один-единственный номер.

Мик нажал кнопку вызова и стал ждать ответа, сознавая, что его голос сейчас отправится в открытый космос, где отразится от нескольких железных коробок, набитых проводами, микросхемами и нанотехнологиями, и наконец спустится на такой же телефон где-то в Америке. Где именно, Мик понятия не имел. После чего ему ответит человек, в шутку называющий себя «Макгайвером»¹³. Главным было вот что: разговор останется конфиденциальным.

– Что-то ты рано, – сказал Макгайвер.

– Мы уже совсем близко. Вопрос стоит так: нужно ли нам поднажать и разобраться с объектом до наступления темноты, или же мы обойдем его и устроим засаду с противоположной стороны. Мне нужно знать его местонахождение и то, продолжает ли он двигаться.

– Какой вариант предпочитаешь ты?

– Не люблю работать ночью. Всякое может случиться. Я бы предпочел устроить засаду и замочить объект завтра, когда он пойдет в город.

– Великолепно. Разумеется, ты не прав, так что поступай с точностью до наоборот.

– Мистер Мак...

– Он устроился на ночлег. Я видел его на экране всего несколько минут назад. Могу дать его координаты с точностью до метра. Или подвести вас к нему так близко, что вы почувствуете вонь коз. Он сейчас безмятежно дрыхнет. Подойдите к нему вплотную, пристрелите его тысячу раз, и пусть «тюрбаны» уведут вас обратно. Вот за что вам платят непомерные деньги.

Достав ручку и блокнот, Мик записал цифирки координат местонахождения снайпера.

– Боджер, закончи с этим побыстрее. Ты меня слышишь?

– Так точно, сэр, – пробормотал наемник, переполненный ненавистью к ублюдку. Он закрыл телефон, заканчивая связь.

– Отлично, ребята, – сказал Мик, подзывая к себе двух белых напарников, чтобы по карте определить, как приблизиться к цели и расправиться с ней.

Вершина какого-то холма,

¹³ Ангус Макгайвер – герой популярного телесериала «Макгайвер», шедшего в восьмидесятых годах, секретный агент вымышленного фонда «Феникс», предпочитающий действовать без оружия, подручными средствами.

*провинция Забуль,
юго-восток Афганистана,
03.15*

У подножия холма ребята сбросили рюкзаки и разделись до рубаш и штанов. «Тюрбаны» последовали их примеру. Ночью температура могла понизиться до тридцати градусов по Фаренгейту, но Боджер не хотел, чтобы тяжелые длинные халаты болтались, поднимая пыль, задевая камни, цепляясь за ветки и колючки. Пусть уж бьет дрожь; главное, чтобы не шуметь.

Рассчитывать на помощь карты не приходилось. На ней обозначен общий рельеф местности, что позволяло намечать пути подхода к цели, однако валуны и отвесные скалы, лишавшие эти траектории практического смысла, отсутствовали.

Гораздо больше толку от прибора ночного видения АН/ПВ-5, в который изучил окрестности Мик. Выдвинув своих людей на исходные позиции, он по очереди дал им посмотреть в ПНВ, чтобы определить, какая перед ними местность, где осыпи, как проходят овраги, где есть деревья, за которые можно ухватиться. Боджер напомнил правила: никто не поднимается с четверенек до 04.30; если же кто-либо увидит человека, идущего в полный рост, его нужно пристрелить на месте. Этим человеком может быть только морпех, не спящий, продолжающий путь. Другие правила: ни в коем случае не стрелять, целясь на вспышки выстрелов, так как, скорее всего, в этом случае пристрелишь своего. И следить за козами. Этот тип не дурак; он привяжет коз вокруг себя, рискуя тем, что они на него нагадят, ради их чуткого нюха, чтобы те заблели при приближении хищника. Так что ни в коем случае нельзя спугнуть коз. Если двигаться ползком, осторожно и бесшумно, с козами не возникнет никаких проблем. А потом уже можно будет пристрелить одну и приготовить вкусный завтрак.

Мик с прибором ночного видения практически наверняка должен первым подняться на вершину холма и, осмотревшись вокруг, сделать прицельный выстрел. В случае успеха известить остальных торжествующим криком. Если по какой-то причине этого не произойдет до 05.00, указанное время становится началом общей атаки. Все поднимаются на вершину, подкрадываются к спящему морпеху и дают ему по полной. Больше говорить особенно нечего. Все просто: незаметно приблизиться и сделать дело. Ну что может случиться?

Расставив всех, Боджер как можно тише занял исходную позицию. Взглянул на часы – 03.30. Конечный срок, 04.30, был рассчитан на основании того, что расстояние приблизительно составляло двести метров, и ребятам потребуется около часа, чтобы дюйм за дюймом неслышно подняться на вершину.

Мик пополз вперед. «Барретт» он оставил внизу. Не имело смысла тащить с собой эту тяжеленную штуковину; предстоящее дело будет решено оружием ближнего боя. Он вооружился «Береттой-92» с накрученным на дуло огромным глушителем «Джемтек», похожим на банку апельсинового сока. На близком расстоянии она не оставит морпеху никаких шансов, и можно будет уносить ноги, чтобы к вечеру уже пить martini в кабульском «Хилтоне».

Боджер скользил по земле, наслаждаясь ночной прохладой и избавлением от изнурительного веса, с которым он нянчился последние четыре дня. Это его самая любимая работа – бесшумно подкрасться к цели. Наемник гордился своим мастерством неслышно извиваться по земле, не обращая внимания на все острые камни, неровности и колючую растительность.

Он добрался до гребня меньше чем за полчаса. Отыскав валун побольше, подполз к нему и тотчас же услышал слабое блеяние коз.

В зеленом мире прибора ночного видения козы светились впереди ярдах в тридцати. Похоже, три или четыре из них привязаны к тому, что должно быть снайпером: не такой яркий силуэт, скрытый халатом, распростертый на земле, который равномерно шевелился в такт легким, набирающим воздух, время от времени подрагивая ногой.

«Пристрелить ублюдка», – подумал Мик.

Однако для пистолета дистанция слишком велика, особенно если учесть глушитель, способный изменить траекторию пули и послать ее мимо цели. Ну да ладно. Ублюдок у него в руках. Надо подождать. Проявить выдержку, подождать, и ровно в 05.00 все разом навалятся на морпеха.

Усевшись за камень, Мик стал ждать, выбирая самые сочные воспоминания, чтобы скоротать время. Гм, те две японочки в Токио? Или англичанка, корреспондентка Си-би-эс в Багдаде? Господи, какая же она была пылкая, поимела половину ребят из «Дельты». А что насчет черномазенькой из Дар-эс-Салама? Да, тогда выдалась та еще ночка, хоть он и подхватил трипак. Или...

С такими воспоминаниями время летело быстро. Мик время от времени прерывался, чтобы проверить в прибор, что морпех по-прежнему на месте, крепко дрыхнет за защитным экраном из коз. Ночная тишина нарушалась негромким бляением, однако козы были полностью сосредоточены на том, чтобы согреться, и человеческий запах их нисколько не беспокоил. Они бродили вокруг спящей фигуры, а Мик тем временем копался в борделе воспоминаний в поисках подходящей порнографической энергии, которая отвлекла бы его от невыносимо медленного изменения цифр на «Суунто» и ледящего холода, разливающегося по нижней половине тела. Он рассчитал все точно, выдав облегчение примерно в 04.50, что дало достаточно времени вытереться и приготовиться к делу.

Последняя проверка пистолета. Патрон в патроннике – да; курок опущен – да; предохранитель снят – да; обойма на месте – да; консервная банка глушителя туго навинчена на резьбу – да. Мик поднялся на четвереньки, сжимая пистолет в одной руке, другой опираясь на валун, и сдвинул рукав, открывая циферблат часов, на котором цифры неумолимо растворялись, приближаясь к 05.00, – и наконец выдали нужное время.

Вдохнув, Боджер выпрямился во весь рост и, зычным сержантским голосом крикнув: «Пошли!», схватил пистолет обеими руками и двинулся вперед, изучая окружающий мир в прибор ночного видения. Он увидел, как при его приближении светящиеся козы разбежались по сторонам, кроме тех, что были привязаны к спящему, а эти прыгали и дергали веревки, чувствуя приближение смерти. Несчастные животные затаили песнь скорби, непроизвольно повышая голоса. Те, что могли, спаслись бегством, а остальные отдались отчаянию.

Приблизившись шагов на двадцать, Мик выстрелил, увидел подробности действия автоматики пистолета, которая выбросила стреляную гильзу за счет скользнувшего назад затвора, выстрелил еще раз, теперь уже преодолевая значительно меньший свободный ход спускового крючка, поскольку курок остался взведен после первого выстрела, а затем вошел в ритм и выстрелил еще трижды, успев на мгновение увидеть, как пули прошли сквозь ткань халата, лежавшего поверх тела, превращая его в лохмотья.

Остальные ребята находились рядом, и после первого выстрела Мика также открыли огонь. В ночной темноте ярко вспыхнули раскаленные дула «калашниковых», тишину неподвижного воздуха разорвала быстрая дробь очередей. Частые стежки пуль прошили несчастного спящего, и тот, пронзенный насквозь множеством посланцев смерти, летящих со скоростью свыше двух тысяч футов в секунду, начал испускать потоки крови, промочившей насквозь халат.

Мимо Мика метнулась коза, лягнув его по ноге. Из трех привязанных две были сражены последними выстрелами длинных очередей, когда ствол автоматического оружия уже начинает неудержимо уводить в сторону. Бедные животные отлетели назад, получив мощные удары пуль, и затихли на земле, сраженные наповал. Оставшаяся в живых коза отчаянно дергала веревку и, разорвав ее наконец, как сумасшедшая убежала прочь.

– Прекратить огонь, прекратить огонь! – заорал Мик.

Автоматы умолкли. Лишь один «тюрбан», судя по всему успевший сменить магазин, решил развлечься до конца. Его последние тридцать патронов стали кинжалом милосердия, прощальным поцелуем для бедняги, превращенного в фарш.

Затем наступила полная тишина, и лишь в ушах стрелявших продолжал звучать звон. Мик вдохнул сладостный запах сгоревшего пороха, почувствовал дуновение ветерка. Один из талибов ногой отшвырнул двух убитых коз, и Мик, присев на корточки, открыл тело и с изумлением обнаружил, что это вовсе не человек, а еще одна коза, со связанными ногами, с перетянутой веревками мордой, абсолютно мертвая от всех этих ран, буквально разорвавших в клочья ее тело.

Вспыхнувшие фонарики осветили сцену кровавого побоища, наглядно демонстрируя Мику его вопиющую ошибку.

– Твою мать! – выругался он. – Твою мать, твою мать, твою мать!

– Какого хрена...

– Что за...

– Спутник ясно сказал, что морпех здесь, – ничего не понимая, пробормотал Мик. – Он был здесь, всевидящее око в небе ясно это сказала.

Штуковину нашел лучом своего фонарика Тони Зи. Она лежала под дохлой козой, залитая кровью, перепачканная грязью, но все же кусочек металла блеснул в ярком электрическом свете. Нагнувшись, Тони подобрал маленький железный цилиндр размером с сустав пальца и крошечную безликую пластмассовую коробочку.

– Это же микросхема джи-пи-эс и передатчик, – пробормотал Мик. – Подонок догадался, как мы за ним следили, и обвел нас вокруг пальца. Хитер, подлец! Он не стал просто выбрасывать эту фиговину и поскорее смываться отсюда, а устроил все так, чтобы мы потеряли целую ночь, в то время как сам он был в движении. Чтоб он сдох, ублюдок!

В этот момент двое талибов оживленно заговорили друг с другом.

– О чем они лопочут? – спросил Мик у Тони.

– «Где Махмуд?» Вот что они говорят. «Где Махмуд?»

И действительно, где?

Потребовалось всего полчаса, чтобы его найти. Для этого пришлось вернуться вниз по склону вдоль прямой, по которой «тюрбан» собирался подниматься на гребень. Помогло и то, что край солнца показался над горизонтом, быстро озарив бескрайнее небо розовым сиянием.

Махмуд успел отойти совсем недалеко.

Склонившись над неподвижным телом, распростертым лицом вниз на афганской земле, Тони приподнял ему голову. Смотреть оказалось особенно не на что. Горло Махмуда мастерски перерезано от одного уха до другого. Практически все анатомические структуры оказались разрушены, словно тот, кто орудовал ножом, получил истинное наслаждение, отправляя этого бродягу к Аллаху.

– Да, – пробормотал Тони, – должен сказать, мы имеем дело с очень сердитым индивидуумом.

*Калат, административный центр
провинции Забуль,
район Хоури,
юго-восток Афганистана,
01.30*

Он сидел в тени и пил чай. Спрятанную под халатом «СВД» пришлось осторожно сдвинуть набок, отпустив ремень так, что она вытянулась вдоль тела. Нога, напряженная выше

всяческих пределов, заявляла во всеуслышание, что у нее больше нет никакого желания продолжать выполнение операции.

Рей сидел в дальнем углу оживленного базара, в грязной чайхане, разместившейся в грубом деревянном сооружении. Он только что расправился с каким-то блюдом, изготовленным из таинственного мяса, судя по всему, козлятины, политым жидким соусом, с обилием на удивление неплохого риса и пресными лепешками, внешне похожими на обычные слойки, но только без джема внутри. В целом, пожалуй, это одна из лучших трапез в его жизни, хотя бы потому, что он остался в живых и смог ею насладиться.

Чай: хорошо – сладкий, заряженный энергией.

Отдых: хорошо – после испытания последних нескольких дней.

Толпы: очень хорошо. Многотысячный город бурлил. Смуглые, как орех, люди в странных головных уборах, скрывающих лица, в пестрых халатах, скрывающих тела, с шеями, обмотанными длинными шарфами, – изящные, худые, скрытные, шумные, возбужденные, с лицами, напоминающими выдубленную шкуру.

Многие горцы-пуштуны открыто носили кинжалы и «калашниковы», и никто не собирался отнимать у них оружие. Горожане одеты преимущественно в костюмы и рубашки, но без галстуков. Женщины в основном в традиционных одеждах, но среди них встречались и модницы в афганских вариантах свежайших нью-йоркских моделей, которые они видели только по спутниковому каналу Си-эн-эн.

Все они перемещались с помощью всех транспортных средств, известных человечеству, – от велосипедов, мопедов и мотоциклов до пикапов и грузовиков с редким вкраплением легковых машин; и все они сражались за место с другими формами жизни – собаками, козами, изредка коровами и даже какими-то горбатыми лохматыми существами, похожими на создания из «Звездных войн». В воздухе висел стойкий запах гари и метана, а также мочи и гашиша, и все вокруг было затянуто сизым маревом выхлопных газов и пыли.

На Рея никто не обращал внимания. Помогала его смуглость, а глубоко посаженные карие глаза запросто могли скрывать причудливое мышление мусульманина, хотя на самом деле они скрывали лишь суровое католическое детство. Худой, жилистый, изящный, в бесформенной одежде Крус стал безликим. Его необычное лицо могло быть монгольским, китайским, таджикским, узбекским – каким угодно; оно никого не удивляло.

Его план: просидеть здесь до тех пор, пока не начнет темнеть. В сгущающихся сумерках он преодолеет несколько кварталов до жилища полевого командира Ибрагима Зарси и изучит расположенную напротив гостиницу «Множество наслаждений». Попасть внутрь не должно составить труда.

Рей намеревался завтра утром снять там комнату, немного поспать, после чего осторожно подняться на крышу. Его не остановит ни дверь, ни замок, ибо он владел искусством проникать так же мастерски, как и искусством уходить от преследования.

Позицию для стрельбы он займет всего за несколько минут до назначенного срока. Он не станет приближаться к самому краю крыши, а, наоборот, отойдет как можно дальше.

Морпех все продумал: о классическом выстреле с упора – например, со скамьи – не может быть и речи. Нет, он будет бродягой-кочевником до самого конца, сидя на корточках на крыше. В нужный момент он встанет, поднимая винтовку. Если рядом окажется что-нибудь неподвижное, чем можно будет воспользоваться для упора, – великолепно. В противном случае он выстрелит с руки. Дистанция чуть больше двухсот ярдов, а Рей отлично стрелял с руки, чем могут похвастаться немногие снайперы. Однако сам он потратил целый год в учебном лагере Кэмп-Леджен, осваивая этот навык. На таком расстоянии он попадет сто раз из ста, без проблем. Быть может, у него даже будет время сделать контрольный выстрел в человека, уже пораженного пулей.

Во дворе Зарси наступит хаос, безумие, сумасшедший переполох. Пройдет несколько минут, прежде чем все хоть сколько-нибудь уляжется, прежде чем кто-то отдаст приказ вооруженным до зубов телохранителям Зарси вызвать бестолковых афганских полицейских или безнадежно некомпетентных голландских миротворцев. К тому времени Рей успеет избавиться от винтовки и, выскользнув из гостиницы, затеряться в толпе.

Крус отпил еще один глоток чая. В данных обстоятельствах это лучшее, что он мог придумать.

Однако план не решал главную проблему: где-то засел предатель, выдавший его наемным убийцам. За ним охотились.

Как поступает в таких случаях воспитанный мальчик-католик? Рей еще не решил, но одно он знал точно: ему придется перерезать еще несколько глоток.

*Отряд контрактников,
пригород Калата, провинция Забуль,
юго-восток Афганистана,
17.00*

Город сиял в лучах вечернего солнца. Он чем-то напоминал Мекку, Багдад или сказочный Изумрудный город, белый и величественный, раскинувшийся в просторной долине между гор. Но на самом деле Калат был полным дерьмом.

К небу поднимались немногочисленные полуразвалившиеся здания, относящиеся к той архитектуре, которая считалась безнадежно устаревшей еще в начале семидесятых, когда их возводили. Остальное составляли убогие постройки из подручных материалов не выше двух этажей, нагроможденные в полном беспорядке.

Мик и его приятели двинулись в сторону центра. То, что находилось впереди, ставило в тупик человека с западным образом мышления: хаотический лабиринт пыльных людных улиц, озаренных буйством ярких кричащих красок. Арабская вязь по соседству с такими узнаваемыми символами, как бутылка кока-колы, торговая марка японского бензина, изображение люля-кебаба, а также вездесущими логотипами кредитных карточек «Мастеркард» и индийского чая.

Лавки, магазинчики, торгующие в основном пестрыми шерстяными изделиями, керамикой и оружием, способным гарантированно сделать пятьдесят выстрелов перед тем, как у него разорвет ствол, рисовыми шариками, люля-кебабом, лепешками и бог весть чем еще. Машины, выпущенные примерно в 1927 году. Многие были экстравагантно раскрашены, и среди них нередко встречались экземпляры с нечетным количеством колес. Здесь невозможно двигаться, не поднимая облака пыли, ибо твердое покрытие имели менее двух процентов дорог.

Боджер избавился от бросающейся в глаза бейсболки, сменив ее на тюрбан. К этому времени он научился обматывать им голову так, чтобы скрывать черты лица. Очень кстати пришлось темные очки и борода, но главное, Калат находился в зоне племен, то есть в значительной степени вне закона. И здесь хватало европейцев, так что появление нескольких новых ни у кого не вызывало подозрений.

Мику не требовалось выдавать себя за местного – он просто косил под сумасшедшего, что для него совсем не трудно. К тому же его сопровождали двое вооруженных до зубов талибов, которые своими гневными взглядами и взмахами рук, красноречиво говорящих: «Не подходи!», отгоняли самых ретивых стражей порядка. И еще не надо забывать про внушительные габариты самого Мика, его движения, предупреждающие: «Не шути, а то умрешь», и «АК-47» («барретт» остался спрятанным в горах; его можно будет забрать позже, если позволят обстоятельства и время). Ну, и вместе с ним шли Тони Зи и Клоун Крекер, оба

также в запыленных халатах, увешанные «калашниковыми», гранатами и кинжалами. Эти два пилигрима своим видом подкрепляли предупреждение не шутить под страхом смерти.

Уши Боджера до сих пор горели огнем. Какой же разнос он получил! Мистер Макгайвер был в ярости.

– Порадуй меня приятной новостью, – послышалось в трубке, и наемник лишь молча сглотнул комок в горле, готовый принять неизбежное, чувствуя, что его голосовой аппарат перестал подчиняться головному мозгу.

– Ах ты, болван! – бушевал мистер Макгайвер. – Кретин! Идиот! Тебе было известно его местонахождение! На твоей стороне – покров темноты, численное превосходство, огневая мощь, внезапность, опыт, однако он одержал верх... Боджер, мне рекомендовали тебя с самой лучшей стороны, однако ты показал себя полным тупицей. Где он?

Этого Мик боялся больше всего.

– В Калате. Я так думаю.

– Ты так думаешь? Ты так думаешь?!

Мик выложил все – про уловку с передатчиком джи-пи-эс, про перерезанное горло Махмуда, про ночь, потраченную на медленное приближение и последний бросок, и про то, что морпех, опередив их на шесть или семь часов, уже должен был прийти в Калат.

– Кто мог предположить, что он настолько хорош? Честное слово, он знает свое дело.

– Значит, вы не просто облажались, но он еще избавился от своего джи-пи-эс, из чего следует, что мы больше не сможем за ним следить на экране? Я правильно понял?

– Я так думаю.

– Совсем хорошо. Ты хочешь сказать, что теперь нам остается следить за вами.

– Я так думаю.

– Ты так думаешь. Ты так думаешь. Тебе заплатили за то, чтобы ты сделал дело, а этот улюдук обскакал тебя на всех поворотах. Он что, супермен?

Мику очень хотелось сказать: «Эй, козел, это ты сказал мне, что у морпеха джи-пи-эс. Так что он обвел вокруг пальца не меня, а тебя! Что я должен был делать – напасть на морпеха или оцеплять местность, имея в распоряжении всего шестерых?» Однако он также понимал, что ему очень дорого обошлось нежелание нанести удар, когда была такая возможность. Вместо этого он потерял полтора часа, дожидаясь, когда его отряд займет исходные позиции. Теперь морпеха уже не догнать.

– Что нам делать?

– Ты когда-нибудь слышал о таком милом японском обряде харакири? Потрошение внутренностей. Просто вспори себе живот очень острым ножом и сдохни без лишнего шума, хорошо?

Мик ждал, пока ярость заказчика несколько остынет.

– Ну, хорошо, – наконец послышалось в трубке, – ты подарил нам очень большую проблему. Мне придется изрядно поработать. А ты отправляйся в Калат и найди место поблизости с особняком. Если я сделаю все, что нужно, быть может, мне понадобится, чтобы ты действовал быстро. Связывайся со мной утром в 07.00 по местному времени, и мы посмотрим, что у нас есть.

– Я все понял, – сказал Мик. – Заканчиваю связь...

Но он уже разговаривал с пустотой.

*Миротворческий «Хамви», взвод «Си»,
пятый полк Королевской морской пехоты Нидерландов,
база Королевской морской пехоты Нидерландов,
Калат, провинция Забуль,
юго-восток Афганистана,*

23.00

Вскрыв замок, Рей скользнул внутрь. Похоже, эти голландские морпехи просто жаждали, чтобы их подорвал террорист-смертник, потому что сквозь дырявую охрану мог пройти кто угодно. Вероятно, в этом проявлялась их бесконечная ненависть к своей службе и этой стране.

Только представьте: вы идете в Королевскую морскую пехоту Нидерландов, прекрасно сознавая, что ни в каких военных действиях вам в обозримом будущем принимать участие не придется. По сути дела, подписались на пожизненную синекуру, никак не связанную с оружием; однако в конце концов вы попадаете в убогий городишко в полной глуши, в окружение тех, кто хочет вас убить. И ваша задача на самом деле состоит не в том, чтобы победить в какой-либо войне; нет, вам предстоит олицетворять политический альянс с неким американским идеалом, не имеющим никакого отношения к Нидерландам. Ну как тут не впасть в депрессию? А человек в депрессии быстро становится фаталистом и лентяем, и дальше приходится рассчитывать только на одно везение. Может, вас взорвут, а может, и нет, так что налей мне еще стакан, будь добр, и передай немного этой замечательной афганской травки, с которой время пролетит быстрее.

Так что пока голландцы жаловались друг другу на судьбу, укрывшись в казарме, обложенной мешками с песком, Рей пролез под колючей проволокой и забрался в один из нескольких стоящих на улице «Хамви». На посту стояли даже не голландцы, а солдаты афганской армии, чья боеготовность оставляла желать лучшего, поэтому у Рея не возникло никаких проблем.

Разбив приборную панель, он извлек осколки пластмассы, открывая идущие к замку зажигания провода. Потыкав лезвием ножа, отыскал два нужных, и двигатель с ворчанием ожил. Оставив его крутиться на холостых оборотах, он выглянул из кабины, убеждаясь в том, что часовые ничего не заметили и что ни один пьяный, одуревший от гашиша голландец не вышел посмотреть, в чем дело. На какое-то время Рей оставался в полной безопасности.

Взглянув на рацию, он увидел, что это стандартная коротковолновая АН/МРС-138, более мощная модификация ПРС-104, стандартного средства связи в войне с терроризмом. Рей прекрасно знал ее устройство, поскольку в далеком прошлом ему пришлось послужить радистом.

Он включил устройство, подождал, пока оно хрипело и трещало, пробуждаясь к жизни, и наконец маленькая красная лампочка загорелась в полную силу, показывая работу на максимальной мощности. Затем Рей взялся за ручку настройки и принялся медленно ее вращать, до тех пор пока не нашел частоту 15,016 МГц, на которой держал связь батальон. Нажав тангенту, произнес в микрофон:

– Виски-шесть, вызывает Виски-два-два. Как слышите? Прием.

– Виски-два-два, говорит Виски-шесть. Вас слышу. Пожалуйста, назовите пароль.

– Олимпийский слалом, – сказал Крус.

Связист начисто забыл протокол.

– Господи, Рей...

– Виски-шесть, я могу переговорить с самим Шестым? Прием.

– Отрицательно, Два-два, но я его позову. Прием.

– Виски-шесть, отрицательно, нет времени. Передайте, Два-два находится на месте и завтра выполнит задание. Повторяю, Два-два находится на месте, идет по следу, прямо и в самую точку, завтра выполнит задание, после чего будет отходить, используя все доступные средства. К черту вертолет. Два-два как-нибудь доковыляет сам. Как поняли, прием.

– Вас понял, Два-два, передам Шестому: «Находится на месте и завтра...»

– Виски-шесть, это все. Конец связи.

Выключив рацию, Рей повесил трубку на рычаг. Заглушив двигатель, выбрался из машины, пригнувшись прокрался семьдесят пять футов к наиболее удаленной от поста часовых части забора, держась подальше от освещенных участков, и получил свою долю уколов и царапин, медленно проползая под нижними витками колючей проволоки. Непросто, но ничего невозможного, ибо колючая проволока предназначена для того, чтобы замедлить проникновение, а не предотвратить его полностью. Оказавшись за ограждением, Рей нашел тень, поднялся на ноги и направился к тому месту, где спрятал свою «СВД». Завтрашний день обещал стать очень интересным.

*Штаб 2-го разведывательного батальона,
передовая база «Винчестер», бункер С-4,
провинция Забуль,
юго-восток Афганистана,
23.50*

– Боже милосердный! – пробормотал полковник Лейдлоу. – И поцелуйте меня в задницу! Он это сделал. Крылатая Ракета это сделал!

– Больше он ничего не сказал? – спросил С-4. – Никаких подробностей, никаких...

– Насколько я смог понять, – ответил дежурный связист, – ситуация у него очень напряженная. Он только передал сообщение – это его точные слова, сэр, – и окончил связь. Я понятия не имею, где он находился. Позывные он назвал правильно, пароль сказал верный. И еще – я знаком с сержантом Крусом и узнал его голос.

– Все в порядке, Николс, можешь идти.

Молодой капрал встал, вышел из бункера номер десять и направился на свой пост.

Полковник, поднятый с постели, в одних трусах, его заместитель, еще не успевший снять полевую форму, и начальник разведки, тоже в камуфляже, сидели за столом перед погасшим монитором, по которому днем наблюдали за судьбой Два-два. Все не переставая курили, а от полковника пахло бурбоном – самую малость.

– Сэр, быть может, нам следует сообщить в штаб? Связаться с Управлением? Хотя бы с авиацией в Рипли, чтобы можно было поднять в воздух «вертушку» и забрать Рея, если он снова выйдет на связь и возникнет необходимость в немедленной эвакуации, что бы он ни говорил сегодня...

– Нет, нет, – решительно заявил полковник. – Мне совсем не понравилось, как наши ребята попали в засаду, причем ублюдки, расстрелявшие их, прекрасно знали, кто они такие.

– Сэр, не исключено, что это просто уроды-талибы. Они стреляют во все движущееся, после чего говорят, что на то была воля Аллаха.

– Это не талибы. Слишком дисциплинированные. Лежали в засаде, выбрав тактически грамотную позицию, и двигались профессионально, не как «тюрьбаны», идущие сжигать книги. И не надо забывать: они поразили цель. Нет, мы оставим все при себе. Это наша игра, мы ее придумали; это наш человек, наш план, наша операция. Я хочу, чтобы завтра же утром сильный отряд отправился по дороге в Калат, и пусть все наши патрули в том районе проявят активность. Пусть там повсюду разъезжают «Хамви», санитары, снайперы. Побольше нашего присутствия, и пусть все будут наготове на тот случай, если Рею срочно потребуются помощь.

– Слушаюсь, сэр, – сказал заместитель. – Я набросаю проект приказа.

Полковник повернулся к начальнику разведки.

– С-4, постарайся придумать, чем ты сможешь меня порадовать. Пошевели мозгами. Знаю, ты это умеешь.

– Сэр, я могу попросить Управление выслать завтра разведывательный «Хищник», и тогда мы сможем наблюдать за происходящим в реальном времени.

- И какова вероятность того, что эти замечательные люди согласятся нам помочь?
- Ну, где-то между нулем и минус двумя тысячами.
- Меня это совсем не устраивает.
- Сэр, я возьму «Хамви» и, с вашего разрешения, поеду лично их упрашивать.
- Скажи им, что если они откажутся, я нанесу артиллерийский удар по их бункеру.
- Сэр, по-моему, у них начисто отсутствует чувство юмора. Они очень высокого о себе мнения. Но я знаком с одним человеком. Надеюсь, по-дружески мне удастся что-нибудь устроить. Знаю только одно: если мы будем действовать по официальным каналам, выяснится, что где-нибудь в противоположном конце страны попала в засаду бригада военных стоматологов и все беспилотные зонды направлены туда.
- В таком случае поступай, как считаешь нужным. Но помни, что мне во что бы то ни стало нужна эта картинка.
- Сделаю все, что смогу, сэр.
- Хорошо. А теперь всем спать. И если верите в Бога, молитесь за Рея. А кто не верит, все равно молитесь. Это приказ.

*Крыша дома Абдула-мясника,
улица Гизар, район Танбур,
Калат, провинция Забуль,
юго-восток Афганистана,
07.00*

Боджеру стало полегче. Он оттрахал двух гурий в местном доме терпимости, и по крайней мере проблемы с «шомполом» на какое-то время исчезли. Затем он принял две дозы героина и еще какое-то экзотическое китайское снадобье «красный тигр», и теперь его переполняла кипучая энергия.

Всем ребятам удалось немного прикорнуть, а оба талиба пребывали в хорошем настроении и, похоже, не собирались перерезать ему во сне горло. Теперь Мик должен сделать звонок, выяснить, что к чему. Быть может, им прикажут возвращаться домой. Это было бы лучше всего.

Достав «Турайю», Мик включил аппарат, нажал кнопку быстрого набора номера и стал ждать.

Наконец мистер Макгайвер ответил.

- Ты хорошо провел время в публичном доме? – первым делом спросил он.
- Мистер Макгайвер, всем нам нужно время от времени отдыхать. А от этих спутников ничего не укроется, да?
- Абсолютно ничего, если при тебе джи-пи-эс. Любопытно, а я и не предполагал, что ты такой прыткий в постели.
- Ого, ну у вас и спутник!
- Я пошутил. Боджер, даже у великого Макгайвера есть чувство юмора. Итак, сейчас ты залег меньше чем в полумиле от особняка.
- Совершенно верно, сэр. И я осмотрел гостиницу «Множество наслаждений». Обычная долбаная дыра. Далеко не «Хилтон». В каталоге Фроммера¹⁴ у нее звездочки со знаком минус.
- Подробности мне не нужны. Вот план. Пусть завтра утром один из твоих «тюрбанов» отправляется туда. Ему надо будет каким угодно способом забраться на крышу и установить там джи-пи-эс. Нам нужно дать точные координаты спутнику, чтобы видеть все происходящее.

¹⁴ Каталог Фроммера – издающаяся с 1957 года серия путеводителей по разным странам.

– Морпех будет стрелять именно оттуда?

– Боджер, если я тебе что-либо не говорю, то потому, что тебе незачем это знать. Так что соглашение остается в силе: никаких вопросов.

– Вас понял. Прошу прощения. Но это единственное место, откуда во двор особняка можно выстрелить сверху.

– Да ты просто гений, Боджер! Тебя не проведешь. А теперь давай вернемся к завтрашнему дню, хорошо? После того как ты установишь джи-пи-эс, наблюдай за гостиницей. Расставь своих людей вокруг. Перекрой все входы. Их не должно быть много.

– А что, если морпех уже внутри?

– Вряд ли он будет рисковать. Мы так думаем. Сейчас у него есть подозрения, но точно он ничего не знает. Так зачем ему заявляться туда со своей здоровенной винтовкой и ждать? Гораздо разумнее прийти ближе к вечеру, поселиться в комнате и свести до минимума риск быть обнаруженным. К тому же завтра он еще должен купить веревку, потому что у него нет желания спускаться с крыши по лестнице или в лифте 1891 года постройки. Он постарается спуститься быстро, и веревка – единственный способ сделать это, а уж мастерства ему не занимать.

– Так точно, сэр.

– Итак, ты ищешь человека, у которого под одеждой спрятана винтовка. Ты полагаешь, он ранен? То есть двигаться он должен осторожно?

– Так точно, сэр, и если пуля 50-го калибра хотя бы зацепила его, у него багровый синяк от плеча до щиколотки. Двигаться он будет очень осторожно. Не будет ли проще предупредить полицию о готовящемся покушении...

– Нет. Потому что полиция выставит окружение грубо, и морпех заметит его и уйдет. Он вернется к себе в батальон и составит доклад по форме обо всем случившемся, после чего запросто возникнут вопросы, которые нам совсем не нужны. Нет, пусть он войдет в эту гостиницу.

– И мы завалим его на крыше?

– Нет. Вы убедитесь в том, что он в гостинице, затем ты позвонишь мне и подтвердишь, что он на месте, после чего я бы на твоём месте поспешил куда подальше.

*Гостиница «Множество наслаждений»,
Калат, провинция Забуль,
юго-восток Афганистана,
18.50*

Скоро послышится призыв на вечернюю молитву. Скоро зайдет солнце. Скоро все будут пить чай, ужинать, и богатые познают жизнь во всех ее бесчисленных удовольствиях, а бедные – во всех ее бесчисленных горестях. Город уснет.

В сгущающихся сумерках человек, известный как Палач, выйдет из своего большого дома и направится к черному бронированному «Хамви», чтобы потрахаться с женщиной без голоса. Он не дойдет до машины. Пуля размером с огрызок карандаша войдет ему в тело и разорвет важные органы системы кровообращения, в первую очередь сердце. Палач умрет еще до того, как разобьет о булыжник свои зубы, выпрямленные и отбеленные в дорогой стоматологической клинике в Далласе.

Или что-нибудь в таком духе.

Рей осмотрел улицу в обе стороны. Никаких следов присутствия полиции и боевиков. Около двух часов дня по улице один раз прогремел оранжевый бронетранспортер с эмблемой Королевской морской пехоты Нидерландов, но с тех пор все было в норме. Грузовики, мотоциклы, велосипеды, не говоря уже про сотни торговцев, горожан и ишаков, и даже изредка стада коз заполняли оживленную улицу, на которой стояла гостиница, прямо

напротив обнесенного забором дома Ибрагима Зарси, полевого командира, политика и первого модника.

Боль в ноге несколько поутихла после небольшого отдыха в дрянной ночлежке у железнодорожного вокзала, порции люля-кебаба, купленного у уличного торговца, и полпузырька аспирина из заведения, которое в Афганистане называлось «аптекой». Рей мог бы покурить травку, проглотить таблетку бензедрина, принять дозу героина или еще чего-нибудь в таком роде, но он предпочел ограничиться простыми средствами. Также выпил около галлона чая с сахаром.

И вот теперь, в окружении многих людей, практически неотличимый от них, Рей бродил по улице, опустив лицо, не обращая внимания на ноющую ногу, с переброшенной через плечо винтовкой, спускающейся в штанину. Если бы он нес винтовку на спине, она проступала бы под халатом, или кто-нибудь почувствовал бы присутствие стали, наткнувшись на Круса в толпе. Длинный скелетообразный приклад болтался прямо под мышкой, ствольная коробка прижималась к бедру, цевье и ствол опускались вдоль ноги. Магазин Рей отъединил и примотал изолентой к деревянному ложу, чтобы хоть как-то уменьшить размеры винтовки, и так непомерно большой из-за оптического прицела китайского производства, установленного на стальной скобе. Это означало, что когда настанет время сделать выстрел, ему придется потратить лишнюю секунду, чтобы вырвать магазин из пут, быстро отодрать с него остатки изоленты, после чего вставить его и передернуть затвор, одновременно поднимаясь на ноги и принимая положение для стрельбы с руки.

Крусу не нужно было говорить это себе, но он все равно повторял как заклинание: сделать вдох, задержать дыхание, навести прицел, сосредоточить взгляд на перекрестии, а не на цели, плавно, без рывка потянуть спусковой крючок. Он проделывал все это сто тысяч раз.

Рей вошел в гостиницу. В ее древнем обшарпанном величии с обилием бронзы проглядывало что-то английское; во времена до советского вторжения она служила гаванью для хиппи, которые приезжали в сельские районы Афганистана, чтобы насладиться местным опийным маком вдали от назойливого внимания правоохранительных органов. Красные устроили в ней казарму, а после того как их выбили талибы, гостиница зачахла, поскольку при этих строгих ребятах в стране особо не путешествовали. После так называемого «освобождения» настала пора относительного процветания, и время от времени здесь даже оставались особенно бесшабашные журналисты или телевизионщики, приезжающие в Калат, чтобы взять интервью у Палача, который иногда принимал их, а иногда – нет.

У столика администратора Рея встретил подозрительный взгляд, но он решил эту проблему, вложив банкнот в двести пятьдесят афгани в мастерски подделанный местный паспорт, согласно которому он звался Фарзаном Бабуром.

Не было необходимости ни в словах, ни в росписи. Взяв банкнот, портье отсчитал тридцать пять афгани сдачи и протянул ключ с бронзовым жетоном, на котором стоял номер «232». Робко кивнув, Рей взял ключ и деньги и уныло побрел к лестнице.

– Я его нашел! – воскликнул Тони Зи (буква «Зи» была сокращением от Земке), также бывший спецназовец, проработавший девять лет в охранной компании «Грейвульф», откуда его выставили за тот же самый расстрел сдавшихся боевиков, за который выгнали Боджера. Поскольку раций ни у кого не было, Тони пришлось бежать через улицу, уворачиваясь от мотоциклов и ишаков. – Мик, я его нашел! Ошибки быть не может. Хромает, если присмотреться, под халатом спрятано что-то громоздкое. Определенно, под всей этой дурацкой одеждой в духе Али-Бабы у него висит «железка».

– Лицо его видел? Белый, морпех?

– Спутанная черная борода, лицо держал опущенным. Пожалуй, более смуглый, чем можно ожидать. Возможно, он азиат, или мексиканец, или еще какой-нибудь урод. Сам знаешь, сейчас в армию берут всех, кого попало. Но явно не местный, кожа недостаточно грубая.

– Хорошо, – сказал Мик. – Предупреди остальных ребят и возвращайтесь в чайхану. А я свяжусь с кем надо.

Он отошел в сторону, пытаясь найти хоть какое-нибудь уединение на оживленной улице. Не нашел и свернул в переулок, к складам с местным товаром – всем тем дерьмом, которым торгуют афганцы. С удовлетворением отметил, что один из «тюрбанов» встал на страже у входа в переулок. Достав телефон, выдвинул антенну.

– Ну, что там у тебя? – нетерпеливо спросил Макгайвер.

– Мы его нашли.

– Вы уверены?

– Карточкой его вы нас не снабдили. У меня есть неафганец в местной одежде и тюрбане, с заметной хромотой, направляющийся в гостиницу. У него под халатом что-то спрятано, скорее всего, винтовка. Мой человек не смог рассмотреть его близко, однако все указания налицо.

– Белый мужчина? Белый американец?

– Ну... – Мик не смог скрыть свою неуверенность.

– Выкладывай!

– Мой человек сказал, что он чересчур смуглый. По виду латинос или даже азиат. Он...

– Отлично, – оборвал его мистер Макгайвер. – А теперь живо в укрытие!

*Штаб 2-го разведывательного батальона,
передовая база «Винчестер», бункер С-4,
провинция Забуль,
юго-восток Афганистана,
19.04*

– А во-о-от и Джонни, – сказал заместитель.

– Будь я проклят, – пробормотал Лейдлоу, – если не представлю этого сержанта к медали.

Перекрестие локатора на экране застыло на центре Калата, точно на месте, определенном по карте торжествующим С-4, которому пришлось напомнить приятелю из Управления обо всех должках, числившихся за ним. Камера на «Хищнике» показывала как раз то, что нужно, в серо-зелено-черных красках, в обрамлении выводящихся на экран колонок цифр.

Собравшиеся видели обнесенный высоким забором двор, большой дом, гаражи; они видели нескончаемую суету муравьев, которые на самом деле были людьми; сияние костров, серебряную ленту протекавшего ручья. За пределами стен во все стороны сновали светлячки-пешеходы. Отчетливо были видны белые прямоугольные крыши случайных машин, застрявших в человеческом потоке. Полковник Лейдлоу поймал себя на том, что ему еще не приходилось видеть такого прекрасного кино. Он не отрывал взгляда от крыши гостиницы, чуть заслоненной перекрестием локатора, и перед глазами всплывали воспоминания о тех двух случаях, когда ему приходилось бывать в гостях у Палача.

– Вот и «Хамви», – заметил начальник разведки.

И действительно, из одного из гаражей выползла прямоугольная крыша бронированного внедорожника, проползла между строениями и остановилась на дорожке у стены, ярдах в тридцати от дома. Оживленно засуетились сияющие сигнатуры подручных. Похоже, они организовали оцепление прямо на территории особняка Зарси. Прошло немного времени, дверь открылась – разрешение длиннофокусного телеобъектива было таким высоким, что

можно было отчетливо различить узкую полоску двери, увиденной вертикально сверху, – и из дома вышел человек.

Лейдлоу помнил его: высокий, импозантный, красивый, неизменно ухоженный, с очень выразительными карими глазами. Хорошо одетый, носивший под расшитыми вручную бледно-лиловыми шарфами костюмы от лучших лондонских портных, а на голове – изящную, хотя и не бросающуюся в глаза феску из блестящего материала, скорее всего, шелка или бархата, аккуратно накрывающую его серебристо-седые волосы. Слабостью Зарси являлись часы. «Филипп Патек», «Ролекс», «Фортис», «Брейтлинг» – всегда что-нибудь красивое и сложное.

– Приготовься к смерти, ублюдок! – пробормотал заместитель.

Все взгляды застыли на перекрестии локатора, наведенном на то место на крыше в двухстах тридцати ярдах от дома Палача, откуда должен был сделать выстрел Рей.

В это мгновение вверх взметнулось белое пятно, ослепившее глаза. Еще через секунду само изображение задрожало, словно сумасшедшее, как будто гигантская волна достигла крошечного беспилотного самолета и хорошенько его встряхнула, нарушая его равновесие и угрожая самому его существованию.

– С-4, твою мать, что это было?!

– Взрыв, – ответил начальник разведки.

Часть вторая Режим поиска

*Каскад-Мидоус, штат Айдахо,
в 32 милях к востоку от Бойсе,
шесть месяцев спустя,
15.15*

Услышав ржание и топот встревоженных лошадей в загоне, Джули вышла из кабинета, где проверяла финансовый отчет конюшни в Миссуле. Вертолет медленно спускался с неба, в своем грубом вторжении поднимая облака пыли.

Определенно, вид у него весьма внушительный: огромный зеленый фюзеляж с обилием иллюминаторов, стеклянный колпак кабины, за которым сидели двое пилотов в шлемах и темных очках, очень похожие на насекомых, шасси, надпись «ВВС Соединенных Штатов» и поверх всего огромный несущий винт, вращающийся на холостых оборотах. Казалось, вертолет появился прямо из телевизора, из программы новостей Си-эн-эн.

Открылся люк, и, как и предполагала Джули, из него вышел друг мужа, человек по имени Ник Мемфис, в настоящее время большая шишка в ФБР. С Бобом Свэггером пытались связаться уже давно, но он не желал ни с кем общаться. Он устал от всех этих людей и в каком-то смысле от мира – по крайней мере, того мира, который они представляли.

В настоящее время Боб не читал ничего, кроме больших толстых романов о Второй мировой войне, написанных в сороковые и пятидесятые годы. Телевидение его раздражало, сотовый и электронную почту он ненавидел, всевозможные портативные компьютеры, электронные планшеты и смартфоны его не интересовали. Все свое время Свэггер тратил на то, что вкалывал, словно одержимый, на ранчо и возил дочь Мико на всевозможные юниорские родео, где та либо побеждала, либо занимала призовое место – в двенадцать лет уже страшная, опытная наездница.

Но вслед за Ником показалась другая фигура, знакомая, но все же Джули узнала ее не сразу. Она порылась в памяти, и наконец все встало на свои места. Стройная фигура, брючный костюм, волны иссиня-черных волос, нескрываемое изящество движений, азиатские черты лица. Да, это Сьюзен Окада, загадочный персонаж, который появился из ниоткуда лет девять назад с подарком, пролившим бальзам на душу и сердце всем, – малышкой Мико.

Хоть Джули никто и не говорил, она сразу же догадалась, что Сьюзен Окада работала в таинственном учреждении, скрывающемся за тремя буквами – Ц, Р и У. Она поняла, что раз эта женщина здесь, это означает, что пришло время отплатить за давнишнее одолжение. Быть может, присутствие Сьюзен олицетворяло обязанность, призыв к долгу или что там еще. Свэггер был нужен этим людям, и теперь он уже не мог им отказать.

– Привет, Джули, – окликнул Ник, приближаясь к дому.

– С прибытием, – ответила та.

Хозяйка обняла его, поцеловала, после чего повторила все то же самое Сьюзен: нельзя было не любить женщину, которой каким-то образом удалось подарить тебе вторую дочь, благодаря какому-то магическому фокусу, уничтожившему всю бюрократическую волокиту, долгое ожидание и бесконечную бумажную писанину.

– Я так рада вас видеть, – сказала Джули, обращаясь к Окада.

– Я слышала, Мико стала звездой родео.

– Просто она умеет обращаться с лошадьми. Конечно, мы познакомили ее с родео, чтобы уберечь от мальчишек, а в итоге получили и лошадей, и мальчишек.

Джули провела прибывших в гостиную. Дом большой, красивый, красноречиво говорящий о том, что его хозяин добился в жизни успеха и процветания. И это определенно можно сказать о Свэггере. Его дело процветало, теперь ему уже принадлежали четырнадцать конюшен в шести штатах, он был в хороших отношениях с местными ветеринарными службами, что является ключом ко всему. Но на самом деле это заслуга Джули, женщины целеустремленной и организованной, которая заставляла крутиться все шестеренки, со скрипом продвигая локомотив вперед. Одной пенсии за службу в морской пехоте и по инвалидности хватило бы только на хлеб.

Хозяйка повернулась к Нику.

– Понимаю, это серьезное дело. Ты не стал бы гонять вертолет ради простой беседы.

– Прости за мелодраму, но никаким другим путем внимание твоего мужа нам привлечь не удалось. Он даже не открывает сообщения электронной почты и не принимает заказные письма, не говоря про обычные телефонные звонки. Если бы ситуация действительно не стала критической, нас бы здесь не было.

– Я схожу за ним. И начну собирать вещи. Насколько я понимаю, вы заберете его с собой.

– Боюсь, что да. Он знает, что к чему, а нам нужен как раз такой человек. Понимаю, что мы надоели ему до смерти. И мне самому мы надоели. И все же... ситуация критическая.

– И она пахнет трагедией, – добавила Окада.

Свэггер, в джинсах и синей рабочей рубашке, сидел напротив, перед нетронутой чашкой кофе. Ему уже стукнуло шестьдесят четыре, и в последнее время его практически постоянно мучила боль. Эта проклятая рана на бедре – как раз в том месте, где много лет назад он получил пулю, которая разбила вдребезги бедренный сустав и едва не отправила его на тот свет, – так полностью и не зажила и доставляла неприятности каждый день. Обезболивающие препараты навевали сонливость, а Боб терпеть ее не мог.

Особые мучения доставляла езда верхом, поэтому сейчас он по большей части передвигался на трехколесном внедорожном мотоцикле – с соломенной шляпой на голове, изрядно обтрепанной, и в солнцезащитных очках, на его взгляд слишком крутых для такого никчемного бездельника. Волосы так и не побелели, оставшись какими-то оловянно-серыми, жесткими, какими они были у его отца, своенравными и непокорными. Лицо воина-команча из забытого прошлого. Он по-прежнему сохранил выправку морского пехотинца, поскольку некоторые вещи врезаются так глубоко, что никуда не уходят.

– До тебя очень непросто докричаться, – заметил Ник Мемфис.

– Я уже мало на что гожусь, – ответил Свэггер. – Последний раз едва не стоил мне жизни. До сих пор еще не пришел в себя. Сейчас я только сплю или думаю о том, как поспать. Или мечтаю о выпивке. Не могу держать дома ни капли, иначе все сразу же выхлебаю. Без этих чертовых женщин мне бы ни за что не удавалось оставаться трезвым.

– Не слушайте его, – вмешалась Джули. – Он сам сделал выбор, а теперь строит из себя мученика. Ничего привлекательного.

– Позволь мне все выложить, – сказал Ник. – Выслушаешь меня, а потом скажешь, сможешь ли ты помочь. Когда ведомство мисс Окада прознало о происходящем, оно тоже подключилось к игре. Если бы положение не стало столь серьезным, она бы сейчас здесь не сидела.

Боб посмотрел на Сьюзен. Та лишь обняла его при встрече и больше ничего не сказала. Казалось, все это случилось так давно: безумная гонка по Токио, трагическая гибель многих хороших людей, отзывающаяся болью даже по прошествии стольких лет, и счастливое спасение самого Свэггера, когда он сразился на мечях с человеком, владеющим клинком в сто раз лучше его, – и каким-то чудом остался жив.

Но было кое-что еще. Бывший морпех чувствовал, что покривил душой: он сказал, что мечтает только о сне и выпивке. Но на самом деле он также мечтал и о Сьюзен Окаде. Не в силах лгать самому себе, он понимал, что она та самая, единственная. Так есть, и тут уже ничего нельзя поделать. Их жизни находились на железнодорожных путях, уходящих в разных направлениях; и еще больше их разделяли социальный статус, образование, опыт. Так что у них ничего не могло быть никогда-никогдашеньки, и Боб ни за что на свете не пошел бы на такое, однако в то же время сама недостижимость, табу, неправильность всего этого порождала сладостную, утешительную агонию, которую он лелеял и о которой никому не говорил.

Первым делом, будь он проклят, Свэггер проверил, есть ли у Окада обручальное кольцо, но безымянный палец у нее был чист. Это несказанно обрадовало его – и в то же время страшно напугало.

– Эй, как тебе удастся нисколько не стареть? – спросил он. – Я успел превратиться в скрипящего старика, а ты по-прежнему появляешься на обложках глянцевого журналов. Сколько – трижды в год?

– Четырежды, но по сравнению с былыми пятью разами это шаг назад, – усмехнулась Сьюзен. – Однако ты прав, мне вечные двадцать восемь, хотя некоторые неточные документы и настаивают, что тридцать восемь. Ну а ты по-прежнему похож на Гектора, отдыхающего после тяжелого дня на равнине перед стенами Трои.

– Эти проклятые греки... Рубишь их, рубишь, а на следующий день они снова тут как тут, и такие же злые, как и прежде.

– Ну, хорошо, ребята, – вмешался Ник. – Я знаю, что вы старые друзья. Но позвольте мне вернуться к делу. Вот оно. И вот почему Бюро и Управление работают вместе, несмотря на долгую историю взаимной неприязни. – Он подался вперед. – С полгода назад в Афганистане второй разведывательный батальон Второй дивизии морской пехоты Двадцать второго экспедиционного корпуса, действующий в провинции Забуль, попросил разрешения разобраться с одним полевым командиром, согласно разведанным связанным с талибами и «Аль-Каидой». Наши ребята теряли людей в засадах, при подрыве самодельных мин, от снайперов и так далее. И все указывало на этого типа.

– Мне нужно знать его имя?

– Если ты не смотрел телевизор, Боб, оно тебе ничего не скажет, – заметила Сьюзен.

– Итак, – продолжал Ник, – была отправлена группа снайперов. Во главе с очень толковым парнем. Задумка предполагалась следующая: смешаться с местным населением, войти в город со стороны пакистанской границы, прикончить плохого типа выстрелом из винтовки и быстро смыться, прежде чем кто-либо успеет спохватиться. Стрелять предстояло из «драгунова», после дела ее предстояло выбросить.

– Все понял.

– На второй день пути группа нарвалась на засаду. Мы не знаем, что именно произошло, но наши ребята попали под огонь других снайперов. Наблюдателя убили, рация оказалась разбитой, а сержант, полагаем, ранен.

– Я так понимаю, он не повернул обратно.

– Ты совершенно прав. Очень впечатляющая личность. Чем-то похож на тебя. В каком-то смысле ты, двадцать лет назад, на пике формы. Комендор-сержант Рей Крус, полное имя Рейес Фиденсиу Крус, сорок два года, отец – лейтенант-коммандер в отставке ВМС Соединенных Штатов, португалец по происхождению, Томаш Крус, мать – филиппинка, Урлинда Флорес Марбелла. Рей вырос на крупной военно-морской базе в Себу, где его отец после увольнения сделал себе вторую карьеру и стал главой местного гольф-клуба. Парень должен был стать профессиональным игроком в гольф. Вместо этого из него получился снайпер.

– Что для него к лучшему.

– Выдающийся человек. Все хотели, чтобы он поступил в Военно-морскую академию в Аннаполисе, но он вместо этого пошел в Калифорнийский университет. Занялся стрельбой. Три года подряд был чемпионом НСА¹⁵ среди юниоров по стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Затем переключился на полную мощь и успел отличиться, когда ему еще не было двадцати. У него талант обращаться с винтовкой. Высокий коэффициент интеллекта. Отличные оценки в учебе. В общем, лучший из лучших.

– Явно не полуграмотный деревенщина, наловчившийся хорошо стрелять. Почему он не возглавляет какую-нибудь компьютерную компанию?

– Потому что его родители погибли в автокатастрофе, и это выбило его из колеи. В девяносто первом он поступил в морскую пехоту, завоевал кучу наград за меткую стрельбу, отличился во время первой войны в Заливе. Ему предложили повышение по службе, но он предпочел остаться простым снайпером. Полагаю, он считал, что у этой профессии будущее.

– И он был прав.

– А то как же. У него это уже пятая командировка в район боевых действий, до того были две в Ирак и еще две в Афганистан. Дважды ранен, быстро поправлялся. Невероятный послушной список. Этот парень мог бы уволиться в любой момент и отправиться зашибать большую денюгу в какую-нибудь международную охранную фирму. Мог бы стать офицером, выйти в отставку полковником и устроиться работать в «Дженерал электрик» или еще куда-нибудь. Мог бы открыть собственную снайперскую школу, готовить будущих спецназовцев и просто любителей-экстремалов за тысячу зеленых в день с головы и жить в большом дорогом доме. Он мог бы пойти в Бюро, в Управление, в разведку, в службу безопасности Госдепа, в любую контору, которая не имеет названия и скрывается за инициалами. Непыльная работенка, хорошие бабки. Однако он остался на передовой и полез в огонь. Отправился на это задание, получил по башке, но все равно упрямо шел вперед, и ничто не могло его остановить.

– И что дальше? – спросил Боб, уже успевший влюбиться в этого снайпера – «где бы нам найти побольше таких людей?» – со страхом ожидая ответ.

– Каким-то образом – мы сами не можем точно сказать каким – ему удалось остаться в живых после первого удара. Затем Крус провернул какой-то хитрый трюк и ускользнул от преследователей. Он направился дальше к цели, но те следовали за ним по пятам.

– Откуда вы все это узнали?

– У него с собой были джи-пи-эс и передатчик, так что спутник мог следить за ним. В штабе батальона постоянно получали в реальном времени картинку с беспилотного разведчика. Зрелище – почище финала кубка по футболу. Сигнал с места поступал до тех пор, пока не пришло время сделать выстрел.

– И он сделал?

– Нет. Произошел таинственный взрыв. Тридцать один труп.

– Это также показывали по телевизору, – вставила Сьюзен.

– Еще один вечер, когда я обошелся без «ящика».

– От гостиницы – наш снайпер находился на крыше – осталась огромная воронка. Никто не знает, что и как произошло. Ракета? Сомнительно, поскольку у нас в тех местах не было «Потрошителей»...

– Беспилотными самолетами-разведчиками занимаемся мы, – объяснила Окада. – В тот день никаких ракет никто не запускал. Я очень тщательно проверила все архивы... Фу, подумать только, я, вся из себя навороченная принцесса, отправилась туда и беседовала с обслуживающим персоналом.

¹⁵ Национальная стрелковая ассоциация (НСА) – организация, объединяющая производителей и пользователей огнестрельного оружия, отчаянно противится любым попыткам ввести ограничения на свободу хранения и ношения оружия.

– Возможно, в вашей конторе есть секреты и от тебя.

– Свэггер, это тебе не «Идентификация Борна», – гневно промолвила Сьюзен.

– Это еще что такое?

– Не бери в голову.

– Взрыв магистрального газопровода, террорист-смертник, – продолжал Ник, – тайник с боеприпасами, подпольная оружейная мастерская – это могло быть все, что угодно. А наших экспертов-криминалистов осмотреть руины не пригласили. Голландцы провели исследование, но я его видел, оно выполнено из рук вон плохо. Судя по всему, они чувствовали себя весьма неуютно за пределами своей охраняемой базы. Это дикое, суровое место. Может быть, с взрывом все было чисто – в афганской провинции постоянно что-нибудь взрывается.

– И этот Рей... его разнесло в клочья?

– Все указывало на то.

– Как жаль! Напомните мне еще раз, что мы получили из всего этого?

– Никакой политики. Одна уголовщина. И вот здесь начинается самое интересное, – сказал Ник. – Похоже, взрыв здорово потряс предполагаемую цель – типа по имени Ибрагим Зарси, известного также как Палач. Он покинул город – это был Калат – и перебрался в Кабул. Зарси – потомственный аристократ, получил отличное образование, космополит, у него есть деньги, много денег, и не спрашивай, откуда они. Так или иначе, приблизительно в это самое время ситуация в провинции Забуль улучшилась, никаких больше засад и взрывов. Второй разведывательный батальон возвратился домой без новых боевых потерь. Все получили повышение.

– Ну а этот Зарси, – продолжила Сьюзен, – вдруг становится в Кабуле агрессивно настроенным проамериканским игроком. Начинает заигрывать с Госдепом, оттуда нас просят посмотреть, что к чему, и мы шерстим его вдоль и поперек. И получается, что он теперь чист, порвал со всеми своими прежними друзьями и отошел от источника своего богатства.

– Наркотики?

– У него было рыльце в пушку. Теперь же он чист как стеклышко. Мы продержали его целую неделю в нашем центре в Кабуле, по его собственной просьбе. Проверили на детекторе лжи, давали «сыворотку правды», допрашивали на английском и пушту – наша контора, ФБР, Управление по борьбе с наркотиками, Госдеп, все кто угодно. Его вывернули наизнанку, и он все равно вышел чистым. Очень обаятельный тип и, вполне вероятно, кандидат на предстоящих президентских выборах. Мы рассматриваем эту возможность как крайне благоприятную и втихую работаем над тем, чтобы она воплотилась в реальность.

– Такому типу нельзя доверять.

– Люди меняются. Такое случается. Мы плотно поработали с этим фруктом и пришли к выводу, что он говорит правду. Не представляю себе, как еще он смог бы пройти через все то, на чем мы его проверяли. Так что наша нынешняя политика такова: ему можно доверять. От этого зависит будущее.

– Быть может, вы видите то, что хотите увидеть?

– Боязнь этого маловероятного исхода не должна помешать нам использовать в полной мере такое развитие событий, – возразила Сьюзен. – Доверие должно же где-то начинаться, иначе твоя дочь Мико отправится служить в Кабул.

Свэггер проворчал что-то невнятное, показывая, что остался при своем мнении. Однако не стал на этом задерживаться.

– Так какое отношение все это имеет ко мне?

– В рамках программы Госдепа по повышению рейтинга Зарси к предстоящим этой осенью выборам он через пару недель приезжает в Вашингтон. Можно назвать это чем-то вроде нового теста: мы хотим посмотреть, как он поведет себя под давлением большой политики. Запланировано немало всего. Встречи в Госдепе и Управлении, пресс-конферен-

ции, выступление перед Советом национальной безопасности, интервью с корреспондентами ведущих телеканалов и, наконец, прием в Белом доме, на котором будут присутствовать все большие шишки. Там Зарси объявит о своем намерении бороться за президентский пост, и крупная фирма с Безумной авеню¹⁶ займется выборами. Конечный итог – он наш человек в Кабуле.

– Ну и что?

– А то, что Рей Крус не погиб при взрыве. Он жив. Он вернулся. И настроен по-боевому. Рей Крус заявил, что доведет дело до конца. Уничтожит цель и завершит задание, поставленное перед группой Виски-два-два. Убьет Зарси.

– Откуда вам все это известно?

– Он сам сказал.

*Отряд контрактников,
бассейн гостиницы «Ритц»,
Майами-Бич,
16:00*

Пабло бесшумной походкой обогнул бассейн, держа на подносе радиотелефон. Он был в пестрой рубашке с коротким рукавом, шортах и солнцезащитных очках.

Парень оказался просто находкой. Он познакомил Мика с несколькими первоклассными шлюхами, поставлял дешевые «калики», и благодаря ему каждая третья выпивка проходила мимо кассы гостиницы.

Бирюзовое стекло и изогнутый полумесяцем корпус гостиницы защищали от дуящих со стороны Атлантики ветров, так что пальмы даже не колыхались. На гладкой синеве воды бассейна плясали солнечные блики. Несколько молодых девиц в бикини размером с отпечаток большого пальца нежились на шезлонгах, то и дело украдкой поглядывая на Мика. И неудивительно. Он обладал атлетическим телосложением игрока в американский футбол – сплошные мышцы без капли жира, накачанные и твердые, как сталь. Татуировка, профессиональная, красивая, на военную тематику, а не тюремное дерьмо с грубыми изображениями Иисуса, истекающего кровью на кресте, или какой-нибудь красотишки по имени Эсмеральда, оплетенной сердечками и фиалками. Мик отхлебнул еще один глоток виски со льдом как раз в тот момент, когда Пабло приблизился к нему, протягивая аппарат.

– Сеньор?

– Ты не мог бы просто выбросить его в бассейн? – спросил Мик.

– Наверное, это не слишком хорошая мысль.

– Проклятие, – пробормотал Мик.

Кто знает, что он здесь? Никто. То есть это был кто-то с нужными связями.

– Алло? – произнес Мик, принимая телефон.

– Привет, Боджер. Наслаждаешься пейзажем?

Макгайвер. Мик думал, что навсегда распрощался с этим козлом. Все прошло как по маслу, и обговоренную кругленькую сумму перевели на счет Мика. После чего тот решил, что пришло время убраться из Кабула, на тот случай, если кто-нибудь что-то пронюхает и его начнут искать морские пехотинцы. Поэтому он наградил себя свободой. Быть может, это позволит отделаться от постоянного звона в ушах.

– Наслаждался до тех пор, пока вы не позвонили.

– Не заводись.

– Я в отпуске. Устал как собака.

¹⁶ Мэдисон-авеню – улица в Нью-Йорке, на которой находятся правления многих ведущих рекламных компаний. Игра слов заключается в том, что mad по-английски значит «безумный».

– Отпуск окончен. Всплыла одна деталь.

– И какая же?

– Помнишь того типа, с которым вы должны были разобраться? Кстати, вам за это неплохо заплатили. Так вот, дружище, вы с ним не разобрались. Он вернулся.

– Послушайте, – возбужденно заявил Мик, – вы взорвали ко всем чертям эту гостиницу. Морпех был там, я привел его туда, а вы нажали кнопку и – бабах, больше никакой гостиницы. Кстати, спасибо, что не угробили и меня. Не знаю, как вы это сделали, но грохнуло так, словно рванула маленькая атомная бомба. Господи, это было что-то!..

Мик прекрасно все помнил. Он стоял в переулке в окружении своих «тюрбанов». Окончив разговор, выключил телефон и подал знак отходить. И тут небо разорвал пронзительный крик, после чего прогремел взрыв. Твою мать, господи Иисусе!

Всю свою профессиональную жизнь Мик провел рядом со взрывами. Он их устраивал, планировал, пару раз пришлось в них побывать, еще пару раз он оказывался поблизости. Разлетающиеся со сверхзвуковой скоростью обломки оставили на его замечательном теле тысячу оспинок. Но ничего подобного он еще не видел.

Все взрывы разные, у каждого есть свое лицо, каждый выражает какие-то мысли. Но содержанием этого взрыва стало самое настоящее мегаразрушение. Не предупреждение, не восклицательный знак; ничего остроумного, ироничного, насмешливого или веселого. Конец света, сосредоточенный в небольшом объеме.

За несколько секунд гостиницу стерло с лица земли. Ударная волна унесла весь кислород, и через долю секунды в радиусе нескольких сотен футов пролился дождь из пыли, обломков, кусков человеческих тел, искореженного железа, битого кирпича, оконных рам, осколков стекла, карнизов для штор и прочего мусора.

– Это была вакуумная бомба. Я же предупреждал, что вам нужно поспешить в укрытие. Или что, тебе нужно было прислать приглашение на бумаге с золотым тиснением?

– Просто время выбрано не совсем удачно. Рвануло слишком рано. Тридцать один человек отправился к праотцам, а вашего покорного слугу буквально погребло под грудой оторванных рук и голов.

– Ну, поплачься мне в жилетку. Ничего не поделаешь, ты сам выбрал такое ремесло. Одним словом, ты взялся за эту работу, так что будь добр довести ее до конца. У нас нет времени вербовать новых людей. Мы выбрали тебя, и ты не в том положении, чтобы отказаться.

Осталось невысказанным: кем бы ни был этот Макгайвер, его способность находить Мика неважно где – здесь ли или в чайхане «Кошачий глаз» в Кабуле – говорила о больших связях. Один звонок – и Боджеру быстренько припечет задницу.

– Только счет уже будет новый, – сказал Мик. – По прошлому заказу мы с вами квиты. Структура цены такая же. Я задешево не работаю.

– Ишь ты, каких мудреных словечек нахватался! «Структура цены»! Совсем как в бухгалтерии. Да, разумеется, деньги ты получишь, и большие.

– Отлично. Если задуматься, мне самому хотелось бы зажарить этого ублюдка раз и навсегда.

– Не сомневаюсь, он испытывает к тебе такие же чувства. Ты сможешь снова собрать свою команду?

– Тони сейчас со мной, Крекер отправился в Фейетвиль к жене и малышам. Но я его вызову, никаких проблем. Какой у нас расклад?

– На этот раз за этим типом будете охотиться не только вы, но также ФБР, ЦРУ и еще все, кому не лень. Так что налицо жесткая конкуренция. Но это еще не все. Все остальные хотят просто остановить нашего морпеха. Ты же должен будешь его убить.

– Только этим я и занимаюсь.

– Пока что мне приходится в основном полагаться только на твое слово, дружок, хотя, должен признать, козам ты устроил настоящую преисподнюю. Наш морпех собирается довести до конца дело, которое ты помешал ему выполнить в Афганистане. Он хочет всадить пулю в Ибрагима Зарси, афганского политика, который через две недели приезжает с официальным визитом в Вашингтон. На этот раз ты должен его остановить, навсегда. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он замочил Зарси или же попал в руки в полиции и запел канарейкой.

– Наводка, вы можете дать наводку?

– Объединенная команда Бюро и Управления, ведущая это дело, обратилась к одному старику по фамилии Свэггер, бывшему снайперу-морпеху, имеющему большой опыт ведения подобных игр. Он – это ты, но только с мозгами, талантом, воображением, выдержкой и храбростью. Я видел его личное дело.

– Боб Гвоздильщик. Ветеран-классик. Я о нем слышал.

– Не сомневаюсь в этом. По сравнению с ним Рей Крус выглядит сосунком. У Свэггера больше всего шансов выйти на Круса, так что тебе, неандертальцу, дадут кучу самых разных хитрых прибабасов, чтобы ты смог идти за ним следом.

– Если я застигну их вместе, вы даете «добро» пришить обоим? Мне не по душе мысль завалить рыцаря Круглого стола, но, возможно, обойтись без этого будет нельзя.

– Боджер, не пытайся меня разжалобить. В этом деле случайные жертвы неизбежны. Его нужно выполнить любой ценой. Так что не облажайся.

– Успокойтесь. В прошлый раз я вовсе не облажался. Доставил товар; это ваша вакуумная ядреная бомба не сделала свое дело.

– Боджер, ты представить себе не можешь, насколько это важно. Своим скудным умишком ты не можешь понять, *что* поставлено на карту. Но поверь мне: ты должен отдаться целиком. Никаких шлюх, никакой наркоты, никаких новых татуировок, никаких трех часов ежедневных занятий в тренажерном зале. Дело на первом месте.

– Я все понял.

– Нам не по душе прибегать к услугам койотов. Но у нас нет выбора. Докажи, что мы не просчитались.

– Будьте спокойны, все будет сделано как надо.

– И еще одно: никаких свидетелей.

Каскад-Мидоус, штат Айдахо,

в 32 милях к востоку от Бойсе,

16.35

– Он сам сказал? – удивленно переспросил Боб.

Раскрыв чемоданчик, Ник достал папку, порылся в ней и нашел мятый листок пожелтевшей бумаги – бланк входящего радиосообщения морской пехоты. Ник протянул его Свэггеру.

Тот увидел фамилию оператора, обозначение части – «2-й разведбатальон», дату – прошлая неделя, и время – 04.55. Прочитал текст: «Виски-шесть вызывает Виски-два-два. Опознавательный код – Олимпийский слалом. Повторяю, Олимпийский слалом».

Рядом с этой строкой на полях карандашом поставлена звездочка, а внизу на манер сноски, рядом с другой звездочкой, написано: «Никаких данных об использовании опознавательного кода «Олимпийский слалом» нет».

Остался незаписанным ответ оператора, прозвучавший как-нибудь вроде: «Позывной и опознавательный код неверные, кто вы такой, Два-два, какая у вас ситуация, почему вы выходите на связь с этой частью?»

Но Рей продолжал говорить, и молодой парень записал: «Виски-два-два вышел на место и выполнит поставленное задание. Цель будет уничтожена в ближайшие две-четыре недели. Настроение отличное, боевой дух высокий. *Semper Fi*. Конец связи».

— Малыш решил, что это какой-то розыгрыш, но все-таки записал сообщение в журнал. На следующий день в журнал заглянул командир. В прошлом он был первым замом и помнил Два-два. Он тотчас же связался по телефону со штабом дивизии, оттуда информация попала в штаб морской пехоты в Хендерсоне, а потом уже к нам.

— Значит, получается так, — сказал Боб. — Крус остался жив при взрыве, и затем он не приковылял обратно на свою базу, а отправился в большую самоволку. Каким-то образом ему удалось выбраться из Афганистана и возвратиться домой. Теперь он зол как черт на то, что ему кажется предательством, из-за которого погибли его наблюдатель и тридцать один афганец. Быть может, у него тронулась крыша. В общем, он собирается замочить этого политика, просто из мести.

— Что-то в таком духе.

— Ну же. Тут нет никакого смысла. Особенно сейчас, когда этот афганец на нашей стороне, о чем громко заявляет во всеуслышание. То есть теперь Рей предаст свою страну. По сути дела, работает на врагов. А что, если он попал в плен и переметнулся на другую сторону?

— Крайне маловероятно, однако такие случаи бывали.

— Только не Рей, — решительно заявил Свэггер, которому теперь уже казалось, что он хорошо знает Круса или, по крайней мере, представляет себе ход его мыслей. — Нет, тут налицо какая-то более тонкая, более глубокая игра. У него другая цель, и у нас пока что не хватает ума ее понять.

— Наверное, нам сейчас еще незачем ломать голову насчет мотива, — заметила Сьюзен. — Полагаю, мы просто должны исходить из того, что у нас есть. Первым делом нам надо придумать, как остановить Рея.

— То есть моя роль в том, чтобы быть вашим снайпером-консультантом, — сказал Свэггер.

— Ты будешь идти с нами шаг за шагом весь путь. Мы хотим, чтобы ты оценил все вероятные места, откуда можно сделать выстрел, и сказал нам, какое выберет Рей. Чтобы разглядеть то, что увидит он, но не заметим мы. Нам нужно, чтобы ты изучил пути подхода и отступления, наблюдательные точки, тайники, все то, что могут упустить из виду даже наши лучшие эксперты. Мы хотим, чтобы ты стал Крусом и помог нам рассчитать все варианты. Нам нужно, чтобы ты на ближайшие несколько недель проник в его голову и сердце.

— Чтобы вы смогли его убить.

— Если дело дойдет до этого, — подтвердила Сьюзен, чья задача, как в прошлом, так и сейчас, заключалась в том, чтобы выдавать суровую правду. — Этого никто не хочет, но ставки слишком высоки. Мы должны остановить его, Боб. Ты хоть представляешь себе, какое это будет унижение для нашей страны на международной арене, если афганского политика, находящегося под нашим покровительством, публично убьет снайпер морской пехоты?

Ник изложил детали соглашения. Боб будет носить самый настоящий значок ФБР и получит законное право представляться «следователем ФБР», хотя и не «агентом» или «специальным агентом». Гонорар за консультации будет существенным, хотя дело не в деньгах. При определенных условиях, имея письменное разрешение, Боб будет иметь право носить огнестрельное оружие и производить задержание подозреваемых. Федеральные и местные органы власти, а также военные будут относиться к нему с должным уважением. Отчитываться он будет лично перед Ником и Сьюзен. Ему выделяют неограниченные средства на накладные расходы.

– Сердцем своим я с этим снайпером, – сказал Боб. – Вы должны уяснить, что я ввязываюсь в это дело, чтобы вытащить Рея из заварушки и расставить все по местам. Не хочу его убивать.

– Мы все понимаем. Это как раз то, что нам нужно. Мы согласны.

– В таком случае я первым делом отправлюсь в Кэмп-Леджен. Хочу поговорить с командиром Рея и его друзьями, чтобы прочувствовать этого человека.

– Мы позвоним кому следует, – сказал Ник. – Да, чуть было не забыл. Подними правую руку.

Подчинившись, Боб пробормотал нужные ответы. Старый, больной, бесконечно уставший, он вдруг понял, что ему снова придется добывать для короля золото, из чего следовало, что ему, вероятно, также потребуется и убивать для короля.

*Американо-мексиканская граница,
в 27 милях к западу от Ногалеса,
штат Аризона,
03.56 следующего дня*

Грузовик старый, ржавый, облупленный – «Форд Эконолайн» 92-го года с номерами Аризоны. От него несло запахом немых человеческих тел, протухшей еды и мочи. Однако подвеска оставалась еще приличной, и двигатель работал. Внешне он ничем не отличался от сотен собратьев, и чувствовалось, что он совершил немало поездок на север и обратно.

Автомобиль медленно пробирался в темноте по грунтовым дорогам, объездным путям или просто напрямик через невысокий кустарник. Колеса поднимали клубы пыли. Путеводная луна отсутствовала. Местность вокруг простиралась суровая, неприветливая; растения оцетинились острыми колючками, которые запросто могли убить человека.

За рулем сидел Биляль, стараясь удержаться на выючной тропе без света фар. Рядом устроился Родригес, мексиканец, за плечами которого накопилось множество переходов через границу в обоих направлениях. Он склонился над картой, сравнивая ее с тем, что имелось у него в памяти.

Позади, скрючившись в темноте грузового отсека, сидели два пожилых господина, которых звали доктор Фейсал и профессор Халид. Оба не имели привычки к спартанским условиям передвижения. Один читал лекции в университете, другой был известным инженером. До этой небольшой авантюры они ни разу не встречались, однако сейчас увидели друг в друге родственную душу.

Не умолкая ни на минуту, они возбужденно беседовали о политике, литературе, духовности, поэзии, науке, истории и юриспруденции, и казалось, что оба знают в этих науках все, что только можно. И, как это бывает, обнаружив подобную общность интересов, оба преисполнились желанием полностью уничтожить друг друга. Споры! Своей бесконечной агрессивностью они сводили с ума Биляля, человека более приземленного.

– Старые сороки, да замолчите же, наконец! – не выдержал он. – Нам нужно полностью сосредоточиться.

Как выяснилось, из нескольких языков, которыми владели находившиеся в машине, единственным общим для всех четырех стал английский.

– Ох уж эта молодежь, – печально заметил доктор Фейсал. – Теперь она такая грубая.

– Он самая настоящая свинья, – подхватил профессор Халид. – Биляль, ты свинья, ты не умеешь себя вести, у тебя нет уважения к старшим.

– Эти двое, – проворчал Биляль, – они знают всё о полной ерунде и ничего ни о чем стоящем.

– В определенном возрасте, – согласился Родригес, – все становятся такими же. Это должно быть где-то здесь.

– Ты же знаешь, что я терпеть не могу всякие «должно быть», – раздраженно буркнул Биляль, долговязый мужчина лет тридцати пяти, одетый в необычайно убогий твидовый пиджак поверх обтрепанного черного свитера, джинсов и стоптанных кроссовок.

Он состоял из сплошных сухожилий. Средиземноморский тип лица, какой обычно называют «смуглым» за темную кожу, черные глаза и черные волосы. В глазах выражение бесконечной меланхолии, хотя если кому-то удавалось заставить Биляля улыбнуться, вдруг становилось ясно, что он довольно привлекательный. Копна его неухоженных волос напоминала штормовое море, от которого веяло бунтарским духом. А быстрые юркие глазки ничего не упускали.

Он относился к тем неуютно напряженным людям, которые многих выводят из себя, словно его жизненные ритмы были чересчур быстрыми или же нервные окончания слишком стремительно передавали сигналы. Казалось, на сердце лежит груз множества непрощенных обид или же он готов за грош забить человека до смерти.

– Это же пустыня, – заметил Родригес. – Она постоянно меняется.

– Я кое-что смыслю в пустынях, – проворчал Биляль.

– В таком случае ты должен знать, что ветер дует так, как ему вздумается, замечает песком скалы, меняет форму кактусов, иногда, кажется, перемещает целые... вот он!

Луч фонарика, пробившись сквозь грязное ветровое стекло, осветил трещину в земле, перерастающую в полноценный овраг. В это время года воды не было, и даже высохшая грязь превратилась в растрескавшуюся керамику.

Овраг тянулся ярдов двести и, дойдя до возведенного вдоль границы забора, проходил под ним. Если немного потрудиться, дыру в ограждении можно расширить так, чтобы в нее протиснулся грузовик. Затем еще ярдов сто плохой, но проходимой колеи до длинной прямой дороги, ведущей к большому шоссе. Левый поворот на пересечении – и дальше прямой путь в брюхо Америки.

– Подожди, – сказал Биляль. – Эй вы, старые псы, прекратите болтовню! Здесь места сложные и опасные.

Увы, доктор Фейсал его не услышал. Он как раз высказывал крайне важное замечание насчет древнегреческого мифа о Прометее, который принес людям огонь, за что был наказан Зевсом. После долгих размышлений почтенный ученый пришел к выводу, что легенда стала плодом того, что еврей Юнг назвал «коллективным подсознанием». На самом деле Прометей принес вовсе не огонь – речь шла о предвестии пришествия Мухаммеда, а огонь олицетворял гибель западного мира.

Профессор Халид возразил, что это слишком вольная трактовка предмета.

– Согласен, – сказал он, – тематика многих греческих мифов позволяет предположить, что их создатели в своем видении идеала подсознательно чувствовали, что ему недостает чего-то существенного, чему еще только суждено произойти, заявить о себе и провозгласить истину. И все же едва ли можно с такой определенностью приписывать конкретным мифам какой-либо определенный смысл.

– Да нет же, можно, можно, можно! – с жаром воскликнул доктор Фейсал. – Можно! Вы читали в оригинале древнегреческие тексты? А я читал и заявляю, что в каждом мифе есть...

– Заткнитесь! – рявкнул Биляль. – Здесь очень опасно. Вы, болваны, понятия не имеете, что происходит. Держите свои старые пасти на запоре до тех пор, пока мы не пересечем границу и не окажемся в Аризоне. Вот тогда сможете болтать сколько душе угодно.

– По-моему, пришло время молитвы, – заметил доктор Фейсал.

– Сегодня молитвы отменяются, – отрезал Биляль, – с позволения Аллаха. Уверяю, он поймет.

Грузовик катил по ухабистой дороге, раскачиваясь на рессорах, подпрыгивая на камнях, продираясь сквозь растительность, то и дело сшибая кактусы. Поскольку овраг был

глубиной всего пять футов, грузовик не скрывался полностью под землей: он торчал фута на полтора над поверхностью, и когда впереди наконец показалось ограждение, стало понятно, что несколько нижних рядов проволоки придется перерезать.

– Что это было? – вдруг встрепенулся Биляль.

– Тебе померещилось, – успокоил его Родригес.

– Да нет же. Смотри, вон там, прямо в...

Что-то воткнулось ему под ребра. Опустив взгляд, он увидел, что Родригес сжимает в руке сверкающий пистолет, направив дуло ему в живот.

– Я очень сожалею, – виновато произнес мексиканец, – но должен сообщить о небольшом изменении планов.

Из темноты появились двое, освещая грузовик лучами фонариков. У обоих на головах красные ковбойские банданы, похожие на тюрбаны; оба держали в руках «АК-47» с небрежным изяществом тех, кому пришлось много пообщаться с оружием. Биляль отметил, что под джинсовыми куртками кобуры. Оба держались с вульгарной небрежной беспечностью израильских парашютистов.

– Выходите из машины, ты и старики, и мы посмотрим, что у вас такого важного, что вам приходится пробираться в Штаты нелегально, вместо того чтобы просто проехать через пограничный пост.

– Что он говорит? – всполошился доктор Фейсал. – Почему у него в руках оружие? Биляль, в чем дело?

Дверь кабины распахнулась, и бандиты схватили двух стариков и швырнули их на землю.

– А теперь без глупостей, – продолжал Родригес. – Я человек рассудительный, но вот мои приятели чокнутые. И здорово. Надеюсь, я смогу держать их в руках, но вы должны показать им, что относитесь ко мне с уважением, иначе они сильно разозлятся. И я знаю, сеньор, что у вас есть деньги. Знаю, что вы не отправились бы без денег в долгую поездку в Америку вместе с двумя старыми пердунами.

– У меня есть деньги, – поспешно подтвердил Биляль. – Много денег. Я заплачу. Так что давайте разойдемся с миром.

– Вот это разговор. Друзья мои, этот молодой человек готов сотрудничать, он все понял.

Один из громил подошел к Билялю, схватил его за лацкан выдавшего виды пиджака и с силой толкнул в борт грузовика. Распахнув полы пиджака, оглядел Биляля сверху донизу и отступил назад, кивая.

– Говори, где деньги, – вкрадчивым тоном произнес Родригес. – Эмилио не любит, когда его заставляют ждать. Он очень нетерпеливый человек. Ты говоришь мне, где деньги, и я их забираю. О, и еще одно. Нам нужно будет заглянуть в кузов, посмотреть на сокровища, которые вы везете в Штаты. Должно быть, это что-то весьма любопытное, раз вы так ради них стараетесь.

– Это религиозные трактаты. Брошюры, в которых рассказывается об истинной вере.

– Ну да, конечно, так я и поверил. Кажется, ты считаешь меня полным дураком. К тому же истинная вера в Господе нашем Иисусе и его непорочной матери, язычник.

– Сэр, я...

Родригес ударил Биляля в лицо.

– Деньги, затем сокровища, мерзкая обезьяна!

– Да, конечно, сэр.

– Биляль, в чем дело? – окликнул профессор Халид. – Почему этот человек тебя ударил? Что это за люди?

– Скажи старику заткнуться, – процедил Родригес, – иначе Педро, боюсь, лягнет его в зубы.

- Профессор, все в порядке. Еще несколько минут – и мы снова тронемся в путь.
- А то как же, – усмехнулся Родригес. – А теперь говори, где...

Биляль ударил его в горло всеми пятью сжатыми вместе пальцами, сокрушая гортань. Отвратительно забулькав, Родригес тотчас же потерял всяческий интерес к своему пистолету. Биляль стремительно развернулся прямо перед поднимающимися дулами автоматов, однако руки его быстрее, чем у самого Аллаха, как говорили в учебном лагере. Правой рукой он схватил «рюгер» 38-го калибра, прилепленный скотчем к левому запястью, и в следующее мгновение выяснилось, что плохим ребятам, Педро и его приятелю, еще нужно передернуть затворы – ошибка дилетанта, которую ни за что не допустили бы Биляль и его соратники.

Затворы еще только находились на полпути назад, когда Биляль выстрелил из крошечного пистолета, всадив в две головы по пуле 38-го калибра. Стрелял он великолепно, даже из такого маленького пистолета с едва различимой мушкой. Пули были такие крохотные, что при попадании не произвели почти никакого действия – помимо мгновенной смерти, вызванной превращением головного мозга в месиво. Один из нападавших, шатаясь, пошел прочь, с залитым кровью лицом, словно пытаясь вспомнить, как танцуют цыплята. Кудахча, он скрылся в темноте. Второй просто разочарованно опустил на землю и погрузился в вечный сон.

Родригес сидел у колеса грузовика. Он кашлял кровью, также обильно извергая ее из ноздрей, и зажимал изуродованное горло. Биляля не учили проявлять какое бы то ни было сострадание, поскольку учебные лагеря – не то место, где сострадание имеет какую-либо ценность, однако выражение боли на лице Родригеса было таким невыносимым, что Биляль, сам того не желая, прикончил его выстрелом в висок.

К нему подбежал профессор Халид.

– Я немедленно должен уехать от него! Если он еще раз скажет мне, что читал миф о Прометее на древнегреческом, я его придушу, и где мы тогда окажемся?

Доктор Фейсал был у него за спиной.

– Ну, что можно сделать с необразованным? Этот глупец ничего не знает. Он надут одним воздухом, и все его суждения не подкрепляются ни одним достоверным фактом. Я не могу продолжать путь с таким глупцом!

Каким-то образом Билялю удалось усадить их обратно в грузовик и двинуться дальше.

*Джексон, штат Южная Каролина,
ресторан быстрого обслуживания «Ти-джи-ай-эф»,
Брейверман-авеню, 915,
20.30*

Сойдет все что угодно. Можно ли в такой поздний час заказать завтрак? Например, яичницу с беконом. Но от нее не будет никакого толку без кофе. А Боб не мог позволить себе провести бессонную ночь в гостинице, хотя «Хилтон», оплаченный ФБР, – это шаг вперед по сравнению со многими местами, где ему приходилось останавливаться.

У Свэггера болела голова, начиналась простуда, и он валился с ног от усталости. Это «расследование» высасывало все соки. Требовалось постоянно оставаться «включенным», сохраняя ясность ума. Но даже после пятнадцати часов непрерывной работы результат продолжал оставаться нулевым.

- Вы выбрали, что будете заказывать? – спросила официантка.
- Пожалуйста, двойной виски и самую капельку содовой.
- Сэр, у нас не...
- Знаю, знаю, это я просто пошутил, мэм. Понимаю, получилось довольно неудачно.

Официантка улыбнулась. Здесь, всего в паре миль от главных ворот базы Кэмп-Леджен, все женщины были или женами, или подругами морских пехотинцев. Вероятно, ее

муж или друг сейчас находится где-то далеко, выплат не хватает, ей понадобились деньги, и вот она вынуждена обслуживать таких старых болванов, как он, чтобы содержать детей. Тем, кто остался дома, всегда приходится труднее, и нет никаких гарантий того, что кормилец не вернется в цинковом гробу.

– Ладно, – сказал Боб. – Пожалуй, я возьму салат «Цезарь» и фирменную жареную рыбу.

Никакого мяса, это порадовало бы Джули.

– Пить ничего не будете? Сухое вино и пиво у нас есть.

– Мэм, меня полностью устроит простая вода.

Официантка удалилась, и Боб положил на стол свой чемоданчик. В нем лежали записи интервью, взятых за целый день, проведенный в Кэмп-Леджене в штабе 2-го разведывательного батальона, ксерокопия личного дела Круса и предварительные отчеты оперативников, собиравших информацию на местах, до сих пор катастрофически неполные.

Свэггер достал блокнот с записью бесед с сослуживцами Рея. Все они говорили приблизительно одно и то же: о парне нельзя сказать ни одного плохого слова.

Полковник Лейдлоу: «С Крусом я был знаком только по докладам и отзывам. Я не из тех командиров, кто поддерживает панибратские отношения с подчиненными. У меня болит сердце каждый раз, когда кого-нибудь из моих ребят ранят или убьют, поэтому я стараюсь сохранять дистанцию. Понимаю, что я уже староват для боевых действий. Так или иначе, Рей был настоящим профессионалом, спокойным, усердным. Насколько мне известно, ему неоднократно предлагали повышение по службе, но он оставался в батальоне. Капрал один из лучших, черт побери, – а может быть, и самый лучший».

Подполковник Симпсон: «Он мог в любой момент бросить все к черту и больше не отправляться на задания. Я как-то сказал ему: «Послушайте, сержант Крус, мне надоело отдавать приказы и слушать, как вы говорите мне «сэр». Это я должен к вам так обращаться. Вы собираетесь продвигаться по службе?» Он только улыбнулся и сказал, что его полностью устраивает все так, как есть. Ему нравилось спасать других. Он считал, что именно этим занимается снайпер. Если какое-нибудь подразделение попадало в засаду, Рей первым спешил на помощь. Он пробирался к ребятам, невероятно рискуя, и после того, как он заваливал двоих-троих хаджи, остальные отступали. Такое случалось тысячу раз. Какой-нибудь снайпер подстрелит ребенка, и сержант Крус хватается свою винтовку и скрывается. Через несколько минут раздается выстрел, и вскоре он возвращается и справляется, как дела у малыша. И заметьте: нам не нужно выпускать «Хеллфайр» и взрывать дом, вызывать «Апач» и ровнять с землей целый поселок. Один выстрел, один труп. И все счастливы».

Мортон, кудесник разведки: «Послушайте, буду с вами откровенен. Ставя этим ребятам задачу и выслушивая их донесения, узнаешь пределы их ума. Среди них много таких, которых нельзя назвать умными. Но сила их в том, чтобы сделать именно то, что приказано, и доложить, что произошло. Крус не такой. Он был по-настоящему умным, если вы понимаете, что я хочу сказать. Он видел всю нашу службу насквозь: знал, что Симпсон сосет Лейдлоу член, словно последняя шлюха, чтобы получить батальон; понимал, что Келли умнее Шумана, но Шуман надежнее ведет себя под огнем; знал, что Скелтон подался в морскую пехоту из университета, скрываясь от каких-то проблем на гражданке. Крус отличал дерьмо от настоящей вещи. И при всем том он рисковал. Он шел на невероятный риск, прекрасно понимая, что в конечном счете все решат какие-то козлы в дорогих костюмах, сидящие за столами. Я считаю, человек с таким коэффициентом интеллекта – какой у него был?...»

«Сто сорок пять», – подсказал Боб.

«Гораздо выше, чем у меня. Но иметь такой коэффициент интеллекта, сознавать, что все это полное дерьмо, и все равно верить в это и продолжать выходить на линию огня, день за днем, – это что-то».

Сержант Шуман: «В Рее было, понимаете, что-то *восточное*. Он словно жил в дзен-буддизме, понимаете? Никогда не возбуждался, никогда не повышал голос – впрочем, в этом никогда не возникало необходимости, потому что он никогда не совершал ошибок. Все знали, что предложенный им способ приведет к цели лучше, быстрее. Даже под огнем – ни тени паники в голосе, ни одного неверного движения, а если тебя ранят, он останется с тобой до тех пор, пока тебя не заберут санитары. Рей никогда никого не бросал. Если бы у нас в батальоне жила любимая дворняжка, он и ее бы не бросил, до последнего отстреливаясь от «тюбанов».

Младший капрал Краль: «Билли терпеть не мог службу, но он обожал Рея Круса. Он никогда его не подводил. Крус – легенда. Казалось, он пришел из кино. Я даже жалею, что Билли так любил Рея, потому что он из кожи вон лез, чтобы стать его наблюдателем. И эта любовь в конечном счете стоила ему жизни. Должен сказать, эта операция с самого начала оказалась полной жопой! Отправить ребят в бандитские земли без прикрытия с воздуха, под защитой одних долбанных коз, где в случае чего ждать помощи придется два часа... Но если кто-нибудь и мог выполнить задание, так это Крус. А если он пошел, то Билли должен отправляться с ним. Господи, как же мне жаль Билли! Отличный парень и заслужил лучшей участи, чем сгинуть в этой сраной земле, где люди вместо шапок обматывают головы полотенцами».

Свэггер также несколько раз просмотрел видеозапись засады, с комментариями С-4.

Ему потребовалось какое-то время, чтобы разобраться, что к чему. Ракурсы необычные, визуальная информация оказывалась крайне скудной. Люди, увиденные вертикально сверху, казались лишь светящимися точками, которые двигались по пестрому темному фону окружающей местности. Козы изображались вытянутыми черточками и перемещались быстрее.

И все же вскоре все встало на свои места. Можно было разглядеть, как неизвестные устраивают засаду. Сверившись с картой, командир расставил людей, как опытный солдат любой армии мира.

Он установил большую винтовку, улегся за нею. Рядом устроился его наблюдатель. Дисциплина была железной, никакой ненужной суеты, полная каменная неподвижность, все на своих местах – охотники, караулящие добычу.

– Наш полковник хотел садануть по ним «Хеллфайром». Наверное, это запорол бы всю операцию, но наши парни остались бы в живых. Однако не было никакой возможности вовремя подогнать «Апач». Так что нам оставалось только смотреть и молить Бога о том, чтобы эти ребята не стали стрелять. Но они все-таки выстрелили. Это ужасно – мы все видели, но не могли ничего сделать.

Майор остановил видеоизображение. Охотники неподвижно застыли в засаде, их жертвы находились прямо перед ними на тропе, на расстоянии восьмьсот сорок один метр, не замечая ничего, кроме долбанных блеющих коз.

– Вы запросили «Хищник» у Управления? – спросил Боб.

– Никак нет. Это требует большой бумажной волокиты, и информацию не удастся сохранить в тайне. Одно дело, когда перемещается большое подразделение – все и так знают, – или же какой-нибудь отряд оказывается под огнем и нужно срочно присылать помощь, тут уже не до мер безопасности. Но мы хотели действовать как можно более тихо и скрытно.

– Майор, как вы можете объяснить, что этим ребятам было известно, куда идут Рей и Скелтон, и они идеально подготовились к встрече? Я хочу сказать, если бы я писал учебник про засады, я воспользовался бы этой видеозаписью.

– Ничего не могу сказать. Утечка? Возможно. Но более вероятно, эти хаджи отправлялись на какое-то задание и увидели подходящую цель. Они где-то раздобыли новую игрушку,

«барретт» 50-го калибра. Рассудительными их ведь никак не назовешь, правда? И вот они решают подстрелить этих пастухов, проверить оружие, быть может, свалить вину на американцев. Но только одному пастуху удастся уйти, и они отправляются следом за ним, потому что он теперь уже не случайная жертва, а свидетель, и если он расскажет о случившемся, у них будут неприятности со своим командованием. Я точно не могу сказать, о чем они думали. Не представляю, как они могут постоянно убивать и считать это моральным. Меня это ставит в тупик.

Официантка принесла ужин, возвращая Свэггера в мир реальности. Отодвинув записи, он торопливо проглотил пищу, не обращая внимания на то, что ест. Что поможет лучше понять Круса? Какая-нибудь мелочь, которая принесет озарение, если это сообщение по радио действительно передал он. Единственным моментом, привлечшим внимание Боба, стал ответ снайпера Келли на вопрос: «Расскажите, как Рей стрелял. Не было ли в его манере стрельбы чего-нибудь необычного или странного?»

Келли задумался, после чего сказал:

– Не существовало цели, которую Рей не мог бы поразить. И положения, из которого он не мог бы выстрелить. Вел огонь как машина, механически, без спешки, как написано в учебнике. Но вот что странно. Мы никогда не стреляем в бою стоя. Под огнем никто не встает во весь рост. Это верный способ получить пулю в грудь.

Боб кивнул. Совершенно верно.

– Однако Рей почему-то решил, что ему нужно научиться стрелять из положения стоя. Я считал, что это пустая трата времени и боеприпасов, но он даже не потрудился со мной спорить. Он просто проводил на стрельбище часы, стоя во весь рост, расстреливая коробками отборные патроны калибра 7,62 мм, пока не научился всаживать с руки три пули в круг диаметром дюйм с сотни ярдов.

– С руки? – переспросил Боб, делая пометку.

– Не знаю, пользовался ли Рей когда-нибудь этим в деле. Он просто не хотел, чтобы в его мастерстве оставались дыры, даже такие маленькие.

Фотографию Боб оставил напоследок. Официальный снимок, сделанный по случаю представления к очередной лычке, пару лет назад. Боб не хотел его разглядывать, давать ему превращаться в расплывчатые точки и полутени. От излишней концентрации фотография теряет свою внутреннюю энергию.

Он лишь украдкой взглянул, стараясь не всматриваться слишком пристально. Все как полагается: белый фон, лицо анфас, глаза по-азиатски чуть раскосые, выступающие скулы, тонкие губы, тонкий орлиный нос, вероятно доставшийся в наследство от отца-португальца. Свэггер также разглядел настороженность снайпера, профессиональную быстроту и глубину зрения. Впрочем, быть может, это ему только почудилось... В конце концов, это лишь снимок сержанта морской пехоты, сделанный в торжественный для него день.

Боб вернул фотографию в папку, думая только об одном: почему она излучала ощущение утраты? Утраты-утраты-утраты... Почему она вызывала такую глубокую и безутешную боль?

Наверное, все дело в том, что Крус чем-то внешне напоминал старшего лейтенанта Билла Гоу, американца с примесью японской крови, первого командира Боба, под чьим началом он служил во Вьетнаме в 1965 году. Отличный парень – умный, справедливый, спокойный, в бою непоколебимый, словно утес, огромный опыт... одним словом, просто звезда.

Билл продержался всего шесть месяцев. Какая-то бестолковая перестрелка в какой-то никчемной деревушке в джунглях. Все закончилось в одну секунду – беспорядочные выстрелы с их стороны, в ответ беспорядочные выстрелы с нашей стороны; и только Билл Гоу не поднялся с земли, потому что пуля попала ему под обрез каски прямо в правый глаз. Такая утрата, такая боль. А желторотому сержанту Свэггеру пришлось вести ребят за собой,

чтобы выполнить дело до конца, после чего вернуться домой. Он впервые «командовал», твердо, строго, как и подобает настоящему сержанту, и никто не мог даже предположить, как сильно он переживает утрату Билла.

Был и еще один, армейский старший сержант Рассел Блас, уроженец Гуама, замечательный парень, в бою сгусток мужества. Он попал в плен, командуя разведгруппой, и больше о нем никто ничего не слышал. Бедняга Рассел, вероятно, умер от голода в какой-то вонючей яме...

Свэггер не хотел больше возвращаться к этому. Вот что вычеркнуло десять лет его жизни, захлестнутых бурбоном, бессильной злостью и ненавистью к самому себе. Боб напомнил, что эта фотография никак не связана с прошлым. Это совершенно другой морской пехотинец. Не имеющий никакого отношения к Биллу Гоу, Расселу Бласу и Вьетнаму. Воспоминания чересчур болезненны; нельзя беспечно предаваться им в убогих ресторанах, в этом реальном, новом мире, единственном, который шел в счет.

*Джесексон, штат Южная Каролина,
стоянка перед универсальным магазином
напротив ресторана быстрого обслуживания
«Ти-джи-ай-эф», Брейверман-авеню, 915,
20.35*

– Это должен быть он, – сказал Клоун Крекер. – Сами посмотрите. Возраст подходит, худой, жилистый, похож на снайпера; вроде прихрамывает. Просматривает какие-то бумаги. И явно в завязке.

Они сидели в новеньком черном «Форде Эксплорер», рассматривая Боба через стекло, все трое вооруженные превосходными биноклями европейского производства.

– Плюс к тому, – продолжал Крекер, слышавший среди остальных интеллектуалом, прозванный «Клоуном», потому что своими манерами он напоминал гробовщика из Айовы, – время как раз то. Мы подцепили его выходящим из главного входа в 19.50, он провел на базе целый день, разговаривая с народом, теперь устал, просматривает заново свое дерьмо; сейчас он немного перекусит, затем вернется в гостиницу, отправит почту по «мылу», позвонит жене и ляжет спать. Завтра все то же самое.

– С другой стороны, – возразил Тони Зи, неисправимый циник, – возможно, этот тип хочет впарить командованию Леджена новую машину для уборки отходов из солдатской столовой. Он здесь, чтобы лично протолкнуть свой долбаный товар. Работает в компании «Продаем всякую дрянь» из Дермовилля, штат Индиана.

Проблема заключалась в том, что фотографий этого Свэггера не было. Приходилось полагаться только на теоретические рассуждения, а таковые выходили за рамки компетенции Боджера.

– Ненавижу! – взорвался он. – Я привык действовать. Ломать вещи и убивать людей. А сейчас мне приходится корчить какого-то гребаного суперагента в духе Джеймса Бонда. Твою мать, терпеть это не могу!

Крекер был решительно настроен считать этого типа Свэггером; Тони Зи, несмотря на свой цинизм, склонялся к такому же мнению, но все же никак не мог полностью расстаться с сомнениями.

– Это точно он, ничего иного быть не может, но когда делаешь какое-то предположение, всегда кончается тем, что оно кусает тебя за задницу.

– А проверить наверняка никак нельзя? Может быть, позвонить в ресторан и позвать к телефону мистера Свэггера, и посмотреть, как он себя будет вести.

– Я думаю, этот тип все раскусит, – заметил Боджер. – Мне даже не по душе то, что мы пялимся на него отсюда. У таких есть свой радар; они иногда чувствуют, когда за ними наблюдают.

Все трое убрали бинокли.

– Итак, Мик, мы будем двигаться? – спросил Клоун Крекер. – Быть может, второй такой возможности у нас больше не будет.

– Но у нас всего одна карточка, – напомнил Тони. – Если мы подбросим ее не тому, кому нужно, нам придется забирать ее назад, а затем все равно искать нужного типа и снова подбрасывать ее.

– Проклятие, – пробормотал Мик.

Эта карточка считалась последним достижением в высоких технологиях шпионского ремесла, достойных Джеймса Бонда. Красная кредитка «Бэнк оф Америка», выданная на имя Боба Ли Свэггера. Ее нужно каким-либо образом подбросить Бобу в бумажник, а дальше оставалось надеяться на то, что мало кто тщательно проверяет содержимое своего портмоне и обращает внимание на появление новой кредитной карточки.

Вот только на самом деле это был миниатюрный передатчик под названием «активное УОРЧ», устройство определения радиочастоты. Получив и распознав запрос, оно выдавало ответный сигнал. В нем использовались проводники толщиной шестнадцать нанометров, специальная двухслойная литиево-кадмиевая батарея и волосок антенны, вплавленный в пластик.

Устройство откликалось на сигнал запроса, переданный с секретного спутника «Эгон», обладающего высочайшей чувствительностью и лучшим отношением «сигнал-шум» среди всего того, что выводилось на орбиту. Как только космический аппарат посылал запрос, огромные антенны, похожие на зонты, начинали искать на определенной частоте зашифрованный ответ, очень слабый, но все равно различимый. Всего этого ни Боджер, ни Крекер, ни Тони не знали.

Второй частью был портативный компьютер с программным обеспечением, способным скачивать из Интернета нужную географическую карту, принимать информацию со спутника и отображать местонахождение кредитки. Можно запросто следить за обладателем карточки с любого расстояния, даже из-за линии горизонта.

Так что можно не беспокоиться насчет плотного транспортного потока, внезапных поворотов и ускорений. Контакт будет оставаться всегда, до тех пор пока Свэггер не обнаружит у себя в бумажнике лишнюю карточку, чего, возможно, так никогда и не произойдет.

– Ну, хорошо, – наконец сказал Мик. – За дело. Если это не Свэггер, мы сможем забрать кредитку назад более откровенным способом, чем тот, каким нам придется ее подкидывать.

– О, клевое! – обрадовался Тони Зи. – Вот это мне уже нравится.

*Джексон, штат Южная Каролина,
стоянка перед рестораном быстрого обслуживания
«Ти-джи-ай-эф»,
21.15*

Закончив ужин, Свэггер откинулся назад, пытаясь хоть немного расслабиться, тоскуя по выпивке, дочерям, жене, простой жизни и бесконечному количеству свободного времени на сон. Еще он попытался безобидно солгать самому себе о глубокой и полезной платонической дружбе со Сьюзен Окада. Почему бы не помечтать?

Однако в настоящий момент все это недоступно. Что хуже, в столь поздний час начало побаливать бедро. Казалось, в последние несколько месяцев оно вело себя лучше, однако после длительных нагрузок сустав воспалялся и начинал напоминать о себе. Сейчас же бедро словно затаилось, готовое взорваться обжигающей болью.

Боб подозвал официантку, протянул ей двадцатку, получил сдачу, оставил слишком большие чаевые, схватил счет, бросил его в чемоданчик и встал, опираясь всем весом на здоровую ногу. Мышцы затекли, но он, переборов неуютное ощущение, вышел на улицу и стал искать на стоянке свое авто – «Форд Торес», взятый напрокат.

Отыскав машину, Боб направился к ней. Заполненная наполовину стоянка, окруженная невысокими кустами, была освещена золотисто-красными отсветами больших неоновых букв «Ти-джи-ай-эф» на крыше ресторана. Дойдя до нужного ряда, Боб повернул.

Неизвестный ударил его со всей силы, толкнув на багажник машины. Бобу не то чтобы стало больно, но он полностью потерял ориентацию.

– Какого черта!.. – выдавил Свэггер.

Но нападавший пригвоздил его к багажнику, и он сполз вниз. Зрительные нервы откликнулись на резкий удар, перед глазами засверкали фотовспышки, закружились огненные карусели, вспыхнули свечки, но он быстро пришел в себя – и все же чуть опоздал. Тяжелое колено надавило ему на спину, второе оказалось на шее, а вместе они несли вес здорового верзилы.

– Закрой свою долбаную пасть, мистер, или я сломаю тебе хребет!

Нападавший занимал господствующее положение, придавив Боба к асфальту своим весом. Свэггер попытался вырваться, однако он понимал, что противник превосходит его по всем статьям. Он повернул голову в сторону, почувствовал, как грабитель разрывает его спортивную куртку, вытаскивает бумажник, затем хватает чемоданчик и пробует открыть.

– Эй, ты! – вдруг послышался гневный оклик с противоположного конца стоянки.

– Твою мать, – пробормотал нападавший, поднимаясь на ноги.

Развернувшись, он пустился наутек, и Бобу оставалось только смотреть, как мужик пересек стоянку, перепрыгнул через невысокую живую изгородь и устремился к дороге. Однако появившийся парень атлетического сложения перехватил его у самой обочины, продемонстрировав блестящее тактическое мастерство опытного бойца. Оба повалились на асфальт, переплетенные друг с другом.

Грабитель оказался крепким ублюдком; ему удалось воткнуть правый кулак под ребра «доброму самаритянину» и отпихнуть его назад, после чего перед громилой открылась дорога к свободе. Вскочив на ноги, он бросился бежать и, в одно мгновение, промчавшись по улице, скрылся из виду, завернув за торговый центр в конце квартала.

Боб подоспел к своему спасителю как раз в тот момент, когда тот поднялся с земли.

– С вами все в порядке, мистер? – спросил он.

– Ерунда, – ответил тот. – У моей мамыши удар и то посильнее.

Боб увидел перед собой широкоплечего парня лет тридцати с небольшим, в великолепной физической форме, похожего на бывшего футболиста. Парень подобрал с земли свою бейсболку и водрузил ее на голову, затем вытер с лица пот.

– Эй, – продолжал Боб, – без шуток, вы поступили здорово, но, честное слово, лучше бы этого не делать. У этого типа мог быть с собой нож или пистолет.

– Знаете, – улыбнулся парень, – все произошло так быстро, что я даже не успел ни о чем подумать. Моя реакция была инстинктивной. Будете вызывать полицию или как?

– Если честно, – ответил Боб, предчувствуя несколько часов, убитых на дачу показаний, из которых все равно ничего не получится, – мне не хочется. Я не ранен. Да, мой бумажник – проклятие, кажется, этот подонок...

Но парень остановил его.

– Подождите, я заметил, как он что-то выбросил на бегу. Давайте проверим.

Пройдя несколько шагов вперед, они увидели бумажник, валяющийся на тротуаре.

Парень подобрал его, раскрыл, заглянул внутрь и спросил:

– Вы мистер Свэггер?

- Он самый, – подтвердил Боб, забирая бумажник.
- Сомневаюсь, что грабитель успел что-либо из него достать.

Боб быстро проверил бумажник. Пачка двадцаток, полученных в банкомате, была на месте, и, проведя пальцем по сложенным в специальном кармашке кредитным карточкам, он убедился в том, что ничего не пропало.

- С вами точно все в порядке? Я имею в виду, в физическом плане?
- Ну, несколько царапин, быть может, одна-две ссадины. Но никаких серьезных травм.
- Я могу вызвать «Скорую помощь».
- Нет, – решительно отказался Свэггер. – У кого есть на это время?
- Ладно. Тогда я пойду и что-нибудь перекушу. Все в порядке? Помощь точно не нужна?
- Нет, и еще раз спасибо. Наверное, вы в прошлом играли в американский футбол?
- Много лет назад, – со смехом подтвердил парень. – Господи, я думал, что все перехваты остались в прошлом.

Оба рассмеялись, Боб протянул руку, и они попрощались. После чего он направился к своей машине, размышляя: «Какая странная вещь, черт побери».

*Джесксон, штат Южная Каролина,
стоянка перед гостиницей «Хилтон»,
23.00*

- Вы уверены?
- На все сто, – подтвердил Крекер. – Там было написано «Боб Ли Свэггер», черным по белому, права выданы в Айдахо.
- И ты подбросил карточку? – обратился Мик к Тони Зи.
- Подбросил. Засунул ее между двумя другими в пластиковый кармашек, знаешь, для карточек. А Клоун тем временем мутузил меня по кишкам, твою мать.
- Эй, ты тоже здорово мне врезал, черт бы тебя побрал, – обиженно заметил Крекер.
- Совершенно верно, твою мать. После того, как ты отправил меня в нокдаун, словно Майк Тайсон.
- Ты что, забыл, что я в свое время был чемпионом?
- Такой сопляк, как ты...
- Полегче, девочки. Я буду звонить Макгайверу. Это хорошая новость, мы сделали это, и никаких ляпов нам не нужно. Давайте повторим все еще раз.

Они сидели во внедорожнике напротив «Хилтона», расположенного на окраине города, рядом с автострадой и в семи милях от главных ворот базы Кэмп-Леджен. Это был квартал ярких неоновых вывесок, сетевых ресторанов, автосалонов, кафе, сияющих пластиком и хромированной сталью. Ребята еще раз описали то, что произошло, не спеша, шаг за шагом.

В конце концов Мик остался удовлетворен. Взяв спутниковый телефон, он нажал волшебную кнопку, и через несколько секунд соединение установилось.

– Итак, – сказал Мик, – у меня есть для вас хорошая новость. Мы подбросили УОРЧ, он ничего не заметил. Мы следили за ним с расстояния мили, без зрительного контакта, все «железо» работает превосходно, старик лег спать. Теперь, что бы ни случилось, мы будем знать, где он.

- Ну прямо самые настоящие профессионалы, – язвительно заметил Макгайвер.
- Мы будем просто оставаться вместе с ним, на удалении, ни во что не вмешиваясь. Если он разыщет Круса, мы окажемся рядом и завалим обоих.
- Это как раз то, что вам нравится больше всего. Маленькие дети любят игрушки... Кстати, а что вам дали? Я даже не знаю.

– Несколько «М4», один «МП-5»¹⁷, полно магазинов к ним, «ЗИГ-Зауэры» и «беретты». «Сако»¹⁸. И, что лучше всего, еще один «барретт». Еще я бы ничего не имел против РПГ. Из такого не промахнешься.

– Не говори глупостей. Мы не допустим, чтобы вы разнесли к чертям какой-нибудь Дерьмотаун здесь, в Штатах.

– Так или иначе, пулей 50-го калибра я попаду в цель с расстояния в милю, а 338-го – с вдвое меньшего.

– В прошлый раз ты промазал, техасец.

– Нет, не промазал. Просто я свалил не того типа, поскольку не знал, который из них наш. А когда взял нужного на мушку, тот уже пришел в движение. Крепкий орешек. Этого не сделал бы никто.

– Крус сделал бы. И Свэггер тоже. Так что проследи за тем, Боджер, чтобы не оказаться у них в прицеле. Они не промахнутся, гарантирую. И ты в следующий раз не промахнись.

– Не промахнусь, черт побери. Мы сейчас устроимся на ночь, будем наблюдать за стариком. Полагаю, завтра он снова отправится на базу встречаться с новыми людьми. А сегодня вечером больше уже ничего не произойдет...

– Проклятие! – выругался Клоун Крекер, сидящий впереди с портативным компьютером. – Он движется.

*Ресторан «Макдоналдс»,
пригород Оклахома-Сити,
13.22*

Клоун удивленно таращился на трех довольно потрепанных мужчин. У него были большие глаза, огромный красный нос, торчащие непокорными пучками рыжие волосы и губы размером с два огурца. На сто процентов состоял из полиуретана. Под его ногами кошками и собаками ползали на четвереньках светловолосые дети. Строгий отец тщетно пытался навести порядок. Двое ребятишек, мальчик и девочка, поссорились из-за молочного коктейля, и девочка стала одерживать верх, но тут вмешался папаша, встав на сторону маленького, слабого мальчика.

– Вы вероотступник, – сказал доктор Фейсал.

– Увы, это правда, – подтвердил профессор Халид.

– Вас нужно уничтожить.

– Несомненно, я буду уничтожен, – согласился профессор.

– Вы не попадете в рай.

– Моя вера утверждает, что никакого рая нет.

Повернувшись к Билялю, доктор Фейсал гневно спросил:

– Вы это знали? Он изменник, чудовище, язычник!

– Да, я знал, – сказал Биляль. – Я читал его принципиальную статью в исламабадском «Исламском курьере». Но профессор Халид не христианин, если вы вдруг так решили. Насколько я понимаю, он атеист.

– Я бы сказал, реалист, – поправил его Халид.

– Реалист, атеист, какая разница? Он не придерживается истинной веры.

– Дело не в вере, – возразил Халид. – Дело в политической воле.

– Опять же, – заметил Биляль, отпивая глоток шоколадного коктейля, – если я правильно понимаю, его политическая воля сильна – возможно, так же сильна, как ваша вера.

¹⁷ Популярный пистолет-пулемет фирмы «Хеклер и Кох».

¹⁸ Снайперская винтовка «TRG-42» производства финской компании Sako.

Поэтому вы оба ввязались в это предприятие, оба рискуете всем. Вы оба мученики. А личные нюансы, обитающие между каждой парой ушей, не имеют значения.

– Я потрясен, – сказал доктор Фейсал.

– Под реализмом, – объяснил Халид, – я понимаю принадлежность к определенному племени. Лично я принадлежу к племени, которое по своей культуре близко к исламу. А то, какого бога кто ставит в центр, – это бессмыслица, самообман. К тому же нужно учесть, что я получил образование на Западе...

– Я тоже получил образование на Западе, не забывайте. Однако это никак не повлияло на мою веру. Наоборот, она сделалась только еще крепче.

– Дайте ему высказаться, – вмешался Биляль. – Мне много раз приходилось сражаться бок обок вместе с людьми, равнодушными к вере. Они такие же стойкие бойцы, как и истинные верующие. Среди них и те, кто пил вино и ел свинину, а некоторые даже были извращенцами-гомосексуалистами. Кто-то был нечистоплотен и плевал в бога, однако под огнем все как один шли на смерть.

– Но почему, – спросил доктор Фейсал, – человек готов смотреть смерти в лицо, если верит, что за ней не будет ничего, кроме вечного забвения? Можно мне еще один молочный коктейль?

– Нет, – решительно заявил Биляль, – больше никаких молочных коктейлей. Нам пора идти, мы уже и так выбились из графика, мне предстоит много миль вести машину, да и денег у нас осталось в обрез.

– Если вы позволите мне объяснить... – не унимался Халид.

Его лицо стало серьезным. Профессор постарался изобразить достоинство прилежного студента, который постиг истину и теперь стремится ее распространить. Он подался вперед, скромный и набожный, под пристальным взглядом пластмассового клоуна с красным носом, изучающего его как своего собеседника.

– Хотя все эти люди вокруг нас внешне кажутся такими милыми, – продолжал Халид, – в действительности это исчадия ада. Не в своем повседневном поведении, которое, как вы видите, пристойное, полное семейной любви. Речь идет об экономических последствиях тех ресурсов, которые им требуются, чтобы жить в таком незаметном комфорте. Эти люди понятия не имеют, какие преступления совершаются во имя этой чудовищной подушки уюта, и если попытаться объяснить им все с точки зрения логики, они ничего не поймут. Им это покажется обманом, кошмарным сном. Увидев отстойник лагерей беженцев, не знающих ничего, кроме нищеты и голода, они скажут: «О, как же все это печально» – и, быть может, даже дадут доллар-другой на какую-нибудь благотворительность, после чего будут целый день вспоминать, какие же они хорошие. Однако на самом деле они, в своем пристрастии к кокону удовольствий, хотят проехать квартал и купить молочный коктейль, тот самый, о котором вы так жадно мечтаете, доктор Фейсал. Они ответственны за войну против нашего народа, за наши страдания, нашу боль. И их вина ничуть не меньше, чем вина израильских парашютистов, убийц, управляющих вертолетами, и индусов, строящих ракеты...

– Все это очень сложно, – прервал его доктор Фейсал. – Биляль, пожалуйста, умоляю, еще один молочный коктейль!

*Шоссе 541,
на выезде из Джексона,
штат Южная Каролина,
01.17*

Свэггер ехал в кромешной темноте, оставив позади пригороды. Он находился в какой-то сельской местности, вдалеке от основных магистралей, на ленте асфальта, которая время

от времени натыкалась на дорожные знаки, требующие остановки, но была свободна от светофоров.

Он вернулся в свой номер неудовлетворенным. День потрачен впустую. Ничего, кроме банальностей по странному делу Рея Круса и его угрозы убить новую надежду афганской политики Ибрагима Зарси, в прошлом известного как Палач.

Включив переносной компьютер, Боб отправил Нику Мемфису в штаб-квартиру ФБР сообщение по электронной почте, в котором более или менее подводились итоги дня. Пришел ответ, и в нем говорилось только, что никаких достоверных данных о нынешнем местонахождении Круса до сих пор нет. От следственных бригад, проверяющих базы морской пехоты и другие места, где он мог залечь на дно, пока что не поступило никакой новой информации. Однако появились новые данные о прошлом Круса, и фотокопии этих материалов направлены Свэггеру через федеральную почтовую службу.

Боб позвонил дежурному администратору, нужный пакет был найден, и он спустился за ним. Пробежал взглядом отчеты агентов, встречавшихся с бывшими соратниками Круса, которые в настоящее время проходили службу на базах морской пехоты, разбросанных по всей стране. Негусто.

Все они подтверждали то же самое, что сегодня Бобу сказали во 2-м разведывательном батальоне. Вроде бы ничего заслуживающего внимания. И все же был один любопытный момент.

Судя по всему, кто-то раскопал письмо, которое Крус послал в Министерство энергетики после возвращения из второй командировки в Ирак в 2004 году. Оно тогда привлекало группы спецназа для охраны ядерных объектов по всей стране, и Круса, по-видимому немного уставшего за год, проведенный в тяжелых боях в Багдаде, захлестнула волна общего отчаяния.

Кто мог его в этом винить? Такое случалось со всеми. Поэтому Рею в минуты слабости пришла мысль оставить военную службу и устроиться в Министерство энергетики консультантом по вопросам вооружения и тактики. Жалованье обещали хорошее, и ему предстояло подолгу оставаться на одном месте, занимаясь любимым делом и не опасаясь того, что кто-нибудь попытается взорвать его с помощью бомбы, замаскированной под кучку собачьего дерьма.

Кадровики, горя желанием заполучить такого опытного специалиста, как Рей, прислали восторженный ответ и предложили связаться с таким-то человеком по такому-то телефону и обсудить перспективы трудоустройства. Судя по всему, Крус этого так и не сделал, решив остаться еще на один срок, а затем Буш предпринял новый натиск, потери сократились, а боевой дух взмыл вверх. Рей успел еще раз побывать в Багдаде перед последней командировкой в Афганистан, которая завершилась при таких необычных обстоятельствах.

Однако среди ксерокопий писем, которыми Крус обменялся с Министерством энергетики, было резюме с перечислением достижений и успехов. Несомненно, оно предназначалось исключительно для глаз человека гражданского. Из него следовало, что Рей изучал за свои кровные нечто такое, что на тот момент официальной доктриной морской пехоты считалось ересью.

Рей перечислил прослушанные им лекции в графе «Гражданские школы и курсы». Среди них оказались такие познавательные дисциплины, как «Совершенствование снайперского мастерства», «Тактика боевых действий в тылу у неприятеля» и «Методы связи». Эти курсы читались различными компаниями, в том числе «Грейвульфом» с учебным центром в Мойоке, штат Северная Каролина. Но были и другие, с экзотическими названиями вроде «Фронт и выстрел» в Аризоне и «Громовое ранчо» в Орегоне, которым заправлял Клинт Смит, бывший морской пехотинец с великолепной репутацией. Однако Бобу в глаза бросился недельный курс «Действия снайпера в городских условиях», предлагаемый «Арсена-

лом стальной бригады» из Даниэльстауна, штат Южная Каролина, под руководством полковника морской пехоты в отставке Нормана С. Чемберса.

Это имя показалось Свэггеру знакомым, и он быстро навел справки в Интернете. То, что он нашел, громогласно кричало: «Вероотступник! Еретик! Отщепенец! Заклятый враг катехизиса программы подготовки снайперов морской пехоты!»

На самом деле сам Чемберс не имел никакого отношения к этой программе. Он был простым пехотинцем, окончил командно-штабную академию в Ливенуорте. Водил людей в бой, а не мудрствовал по поводу снайперского мастерства, чем объяснялось, почему он не испытывал священного трепета перед официальной доктриной. Чемберс выступил в роли стороннего критика снайперского искусства, считавшего себя вправе насмехаться над доктринами, при этом рискуя снискать репутацию выскочки или неудачника.

Его главная ересь: он ненавидел «М14» и считал, что попытка превратить старую боевую лошадку начала шестидесятых в снайперскую винтовку эпохи борьбы с терроризмом является пустой тратой времени. В этом Чемберс оказался прав. Морская пехота вскоре на собственном горьком опыте убедилась в том, что в боевых условиях такая техника быстро выходит из строя и не обеспечивает на дальних дистанциях точность, которая оправдывала бы длительную и дорогостоящую подготовку снайпера.

Полковник также пришел к выводу, что систему «М40», по сути дела разновидность армейской системы «М24», представляющей особо точную модель 700 «ремингтона» со стволом от «Кригера» и оптикой «Шмидт и Бендер», в лучшем случае можно рассматривать как временную затычку.

Чемберс был сторонником – порой жестоким и насмешливым – «ПАСС», полуавтоматической снайперской системы. Он настаивал на том, чтобы снайперов морской пехоты вооружали винтовкой «СР-25» производства «Найт армамент», созданной на основе «АР-10» компании «Арма-лайт». На самом деле у «СР-25» и стандартной армейской «М16» (и ее разновидности «М4») был один общий предок – «АР-10».

Эта винтовка, разработанная в конце пятидесятых Юджином Стонером и специалистами из аэрокосмического подразделения авиационной компании «Фэрчайлд», на момент создания внешне производила впечатление пластмассового лазерного оружия космических рейнджеров. Однако ее профиль стал базисом для всех автоматических винтовок, разработанных на Западе во второй половине двадцатого столетия. Приклад, являющийся продолжением ствола, щегольская пистолетная рукоятка, магазин непосредственно перед спусковой скобой, пластмассовое цевье с вентиляционными отверстиями, треугольная мушка и пламегаситель на дуле.

Полковник настойчиво требовал принять «СР-25» на вооружение, особенно после того, как в конце девяностых винтовка показала себя самым лучшим образом на сравнительных испытаниях, доказав, что полуавтоматическое и даже полностью автоматическое оружие способно обеспечить точность стрельбы, которую до этого показывали только неавтоматические винтовки.

Чемберс доказывал, как правило, на страницах таких мудреных изданий, как «Меткая стрельба», «Журнал пехоты» и «Обозрение оборонной промышленности», что по своим преимуществам ПАСС значительно превосходит неавтоматическую винтовку. Она позволяет снайперу поразить сразу несколько целей практически в реальном времени, если внезапный порыв ветра или какое-нибудь другое чудо привело к промаху.

ПАСС дает возможность быстро произвести следующий выстрел. В бою, если до этого дойдет дело, снайпер с автоматической винтовкой усиливает огневую мощь взвода еще на один ствол. И, наконец, обычный открытый прицел превращает снайпера в обыкновенного автоматчика, способного обрушить на хаджи свинцовый ливень, если те подойдут совсем близко, то есть в ситуации, когда неавтоматическая винтовка станет практически бесполез-

ной. Более того, русские проверяли эту систему в бою начиная с 1963 года, когда они впервые применили СВД – снайперскую винтовку Драгунова – во Вьетнаме против американских войск. Тогда ЦРУ каким-то образом удалось раздобыть один экземпляр – после чего она крайне успешно использовалась в многочисленных войнах в Африке, в Латинской Америке, Индонезии, Афганистане и, наконец, в Чечне.

Согласно Чемберсу доводы «против» незначительны. Один из них – латунная стреляная гильза, выброшенная в воздух, указывала на местонахождение снайпера. Однако Чемберс так и не смог найти никаких достоверных свидетельств того, что стреляная гильза хоть раз в боевых условиях выдала замаскировавшегося снайпера, и уж тем более нельзя говорить о какой-либо регулярности подобного явления.

Вторым доводом стала громоздкая конструкция винтовки. В отличие от своей неавтоматической сестры, она получалась более тяжелой и неудобной и требовала тщательного обслуживания, поскольку при интенсивной стрельбе пристрелка быстро сбивалась. Кроме того, у командира возникал соблазн использовать ее в качестве обыкновенной автоматической винтовки, вместо того чтобы дать ей полностью раскрыть свой потенциал прецизионного инструмента, способного поражать цели на больших дистанциях, вплоть до тысячи метров.

Чемберс напоминал, что небольшие, агрессивные отряды «морских котиков» уже сделали свой выбор в пользу ПАСС «СР-25».

Быть может, Рей увидел в этом будущее и захотел учиться у самого мастера? Он потратил несколько суббот, чтобы под руководством Чемберса освоить все тонкости нового оружия, в то время как в ходе трех предыдущих боевых командировок он пользовался исключительно неавтоматическими винтовками. Определенно, такой еретический поступок следовало скрыть от закостенелых иезуитов из командования морской пехоты.

Интеллектуальная связь отступника Чемберса и чистого снайпера Круса показалась Свэггеру многообещающей. Чем больше он о ней думал, тем больше вариантов открывалось. Если Крус вернулся, серьезно настроившись осуществить свою угрозу, ему нужно где-нибудь обосноваться. ФБР исходило из предположения, что он воскресит связи с бывшими сослуживцами, но никому не пришло в голову подумать о Чемберсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.